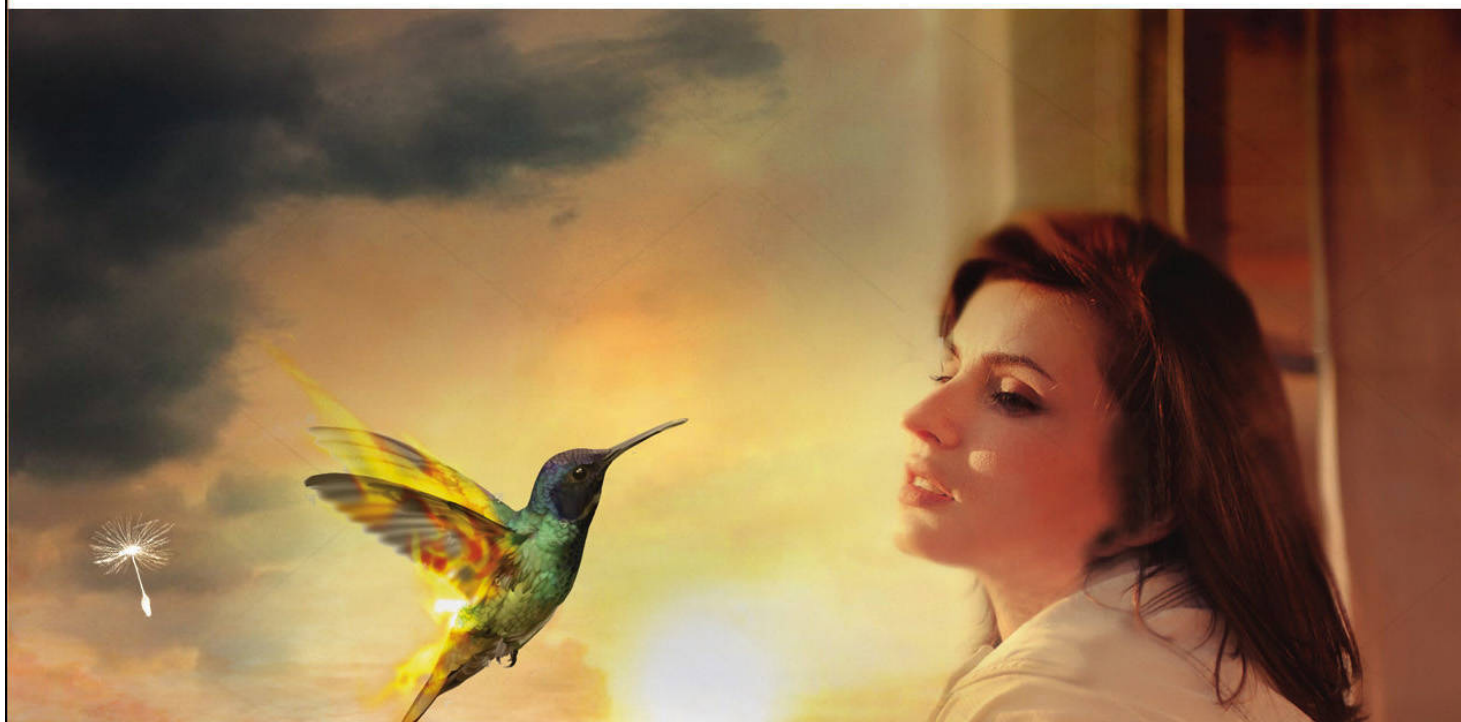

ТАТЬЯНА

ГАРМАШ-РОФФЕ

ИСКУССТВО ДЕТЕКТИВА

Ведь я еще жива

Частный детектив Алексей Кисанов

Татьяна Гармаш-Роффе

Ведь я еще жива

«ЭКСМО»

2009

Гармаш-Роффе Т. В.

Ведь я еще жива / Т. В. Гармаш-Роффе — «Эксмо»,
2009 — (Частный детектив Алексей Кисанов)

Ослепленная светом, я лишь моргала, когда меня впихнули в дверь, которая тут же закрылась за мной... В подвале я провела больше недели, не зная, зачем я тут и почему. Того парня, который приносил мне еду, я каждый день спрашивала, что будет со мной. И каждый день он отвечал, что меня отпустят. Я верила. Со мной обращались неплохо, вполне вежливо, в чем я видела залог того, что им не нужна моя жизнь. Но вышла я из подвала лишь затем, чтобы очутиться в холодильнике морга... Вот и вся моя жизнь, такая короткая. Потому что сегодня я умру... Частный сыщик Алексей Кисанов вынужден на этот раз вести следствие в экстремальных условиях, играя против времени, — он должен успеть спасти Кристину! Пока она еще жива...

Содержание

Часть I	5
I	5
II	6
III	11
IV	15
V	18
VI	23
VII	28
VIII	33
IX	37
X	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Татьяна Гармаш-Роффе

Ведь я еще жива

- Куда вы меня везете?
- В морг.
- Но ведь я еще живой!
- Так мы еще не доехали!..

Анекдот

Люди стремятся разбогатеть, чтобы лучше жить, но качество жизни повышается с увеличением богатства лишь до некоторого предела. К тому же у богатых появляются свои особые проблемы: грабители, похитители, террористы, наследники-отравители и пр. Их дети нередко вырастают моральными уродами. Их жен и дочерей соблазняют их же шоферы и охранники.

Александр Бурьяк.

«Технология карьеры»

Часть I

I

...Я долго не понимала, куда меня привезли, пока человек в костюме, поверх которого был небрежно наброшен белый халат, не открыл в металлической стенке один из ящиков. За ящиком вытянулось нечто, похожее на стол.

И только тогда, когда меня подвели к этому «столу» и принялись на него укладывать, – только тогда я поняла, что это морг.

– Надеюсь, вы ее не очень накачали? А то мне органы с наркотиками не нужны! – услышала я голос человека в костюме и халате.

– Не волнуйся, всего лишь снотворное. Чтобы не рыпалась.

Я и не «рыпалась»... Голова соображала плохо, глаза закрывались, и, когда моя спина ощутила горизонталь металлического лежака, я испытала смутную животную радость оттого, что мне дали наконец возможность лечь.

Человек в халате устроил мои ноги поровнее, и лежак вместе со мной въехал обратно в паз, в беспросветную, узкую и очень холодную камеру, похожую на гроб. Перед тем как провалиться в небытие, я успела подумать: «Игорь меня никогда не найдет... Я умру тут без воздуха. И от холода. Хорошо, что меня хотя бы не будут резать живой...»

II

Игорю пришлось сильно напрячься, чтобы непослушные мышцы его не выдали.

– Алексей Андреевич, я сегодня не смогу выйти на работу!..

Кажется, ему удалось произнести это вполне бодро.

– Приболел, – добавил он, с трудом выговаривая слова.

– Не смертельно, надеюсь?

– Просто немного простудился... У родителей отлежусь пока.

– Ладно, держи меня в курсе.

Игорь отключился. Кажется, пронесло! Шеф не насторожился, ничего не заподозрил! Из-за разбитого носа Игорь немного гундосил, и шеф поверил, что у него насморк...

Частный детектив Алексей Кисанов (для своих просто Кис) Игорю не поверил. Голос ассистента показался ему нетрезвым, и сыщика это весьма насторожило. Прежде всего потому, что Игорь не пил, – точнее, не любил, но если и доводилось, то пить умел, меру знал и никогда не напивался. Кроме того, его помощник уже не первый раз за последние дни отпрашивался с работы под разными предлогами. Что-то происходит у парня... Не ввязался ли в какую дурную историю?

Месяца два тому назад Кис решил, что Игорь влюбился. У влюбленных глаза особенные – отсутствующие и блаженные, да летучая улыбка невпопад. К тому же случилось как-то детективу приехать в свое бюро раньше обычного, и там...

Он усмехнулся, вспомнив сцену.

Надобно заметить, что бюро занимает одну из комнат в большой трехкомнатной квартире на Смоленке, где Алексей родился, вырос и жил всю жизнь до недавнего времени¹. Вторая комната в квартире оставалась хозяйской – мало ли, вдруг переночевать на работе придется! А третью снимает у детектива Игорь, как раньше его предшественник Ванька: жилье являлось частью вознаграждения за труды ассистента – не особо пыльные, к слову.

Итак, в тот день явился Кис в свой офис раньше обычного. Из ванной доносился плеск воды. Сначала детектив подумал, что там Игорь, но тот вошел к нему в кабинет вслед за ним: поздороваться с шефом, спросить, не нужно ли чего. По его легкому смущению да плеску воды в ванной Кис и сделал вывод, что у Игоря ночевала девушка.

Алексей виду не подал, вопросов не задавал. Когда он сам жил тут, на Смоленке, правила были драконовские: все приемы и тусовки ассистента – сначала Ванюшки, а позже Игоря – только с ведома и высочайшего позволения шефа. Ничего не поделаешь, детишки, Кис не намерен превращать свою квартиру в студенческое общежитие и собирать с утрачка по углам носки и лифчики! Но теперь квартира находилась по вечерам и ночам в полном распоряжении Игоря, и Кис вредничать не стал, лишь ласково пригрозил убить, ежели чего в квартире попортят или соседи пожалуются на шум. Так что Игорь имел право приводить к себе после работы кого угодно и в любом количестве.

Посему Алексей тем утром, не поведя и бровью, отпустил Игоря за несрочностью его услуг и попросил прикрыть дверь в кабинет с той стороны: для них же, балбесов, чтобы не смущались. Чтобы ночная гостья Игоря выскользнула из душа незаметно.

С тех самых пор, ежели возникала надобность приехать в свое бюро пораньше, Алексей звонил ассистенту и сообщал: еду, мол. Отчего дальше обходилось без сюрпризов, и Кис не смог бы даже сказать, случайная девушка была тогда у Игоря, на одну ночь, или у них завязались отношения...

¹ См. роман Т. Гармаш-Роффе «13 способов ненавидеть», издательство «Эксмо».

Игорю он, конечно, вопросов не задавал: чужая личная жизнь – не его дело. И все же, памятуя наплывший в ясны сини Игоревы очи туманец, легко было сделать вывод, что ассистент его влюбился...

Однако то ли сыщик ошибся, то ли любовная история плохо повернулась, – несколько дней назад Игорь сделался озабоченным и хмурым. И все норовил ускользнуть по каким-то своим делам. Ассистентская работа, конечно, несложная, но нужная, и отсутствие Игоря на рабочем месте являлось чувствительным уроном сыщицкому хозяйству. Впрочем, и когда он присутствовал, то отсутствовал мыслями. Один раз Алексей все-таки спросил: как, мол, дела, все ли в порядке?

Игорь, конечно, заверил, что все у него в порядке. *Как всегда.*

...Так вышло, что Кис не очень хорошо знал своего помощника. Игорь был вежливым, исполнительным, ответственным, но о себе мало рассказывал. Что он думает, что чувствует, какие у него друзья, какая семья – ничего не известно. Когда с детективом работал разгильдяй Ванька, то о нем Алексей, не задавая вопросов, знал практически все. Ванька вечно рассказывал какие-то забавные случаи из своей жизни или сыпал прикольными цитатками, ссылаясь то на дядю, то на «почтенную маменьку», то на прочих родственников и друзей. Картинки из детства, школы, студенческие посиделки и попойки – все это звучало отголоском в Ванькиной речи столь часто и столь живо, что создавало у Алексея ощущение полной посвященности в жизнь своего юного друга и ассистента.

Другое дело Игорь: никогда и ничего.

И все же, несмотря на то что Алексей своего помощника знал мало, мнения он был о парне хорошего. Тем более что в недавнем деле – жутком деле, когда похитили их с Александрой детей², Игорь показал себя с самой лучшей стороны. И оснований подозревать его в чем-то темном у детектива до сих пор не имелось. Но Игорь ведь мог втянуться и совсем недавно! Он из семьи небогатой, работает у частного детектива секретарем и помощником за зарплату, а также за комнату, как раньше Ванька... Мало ли, вдруг парень, чтобы деньгами разжиться, в какое-то дело темное ввязался? Уж не наркотики ли? И разговаривал по телефону он странно, словно пьяный. Но, может, и не пьяный вовсе, а дозу принял? Торговцы наркотой редко сами ее употребляют – остерегаются попасть в зависимость, но Игорь молод и неопытен...

Как бы то ни было, Алексей чуял: что-то с парнем неладное творится.

И он решил предпринять небольшое расследование. Хоть Игорь жил в квартире Алексея, но адрес его регистрации у детектива имелся. По этому самому адресу и проживают, без сомнения, родители, у которых Игорь собрался «отлеживаться». Вот и посмотрим, сидит ли дома наш больной или гуляет!

Первым сюрпризом – и неприятным! – стала ограда с пропускным пунктом: роскошная новостройка в престижном районе Москвы. Неприятность заключалась, конечно, не в роскошности новостройки, а в том, что она абсолютно не соответствовала Игорю – молодому человеку, которому требуется приработок и «угол».

Надо полагать, что у парня серьезные проблемы с предками. Иначе зачем бы сыну богатых родителей подрабатывать у частного сыщика, когда он мог бы уже давно быть замдиректора в какой-нибудь благоухающей свеженькими дензнаками фирме?

Однако если с предками у Игоря проблемы, то в таком раскладе странно звучало его заявление, что он отлежится у них... И странность эту Алексей Кисанов желал прояснить незамедлительно!

² См. роман Т. Гармаш-Роффе «Расколотый мир», издательство «Эксмо».

Охранник, рассмотрев удостоверение частного сыщика, позвонил в нужную квартиру, но там никто не откликнулся. Чего, собственно, Кис и ожидал.

Он вернулся в машину и, сверяясь с бумажкой, набрал номер, который предусмотрительно требовал с нового ассистента на случай чего. Мало ли – наша служба и опасна и трудна, и посему при приеме Игоря на работу сыщик спросил, по какому телефону звонить, если возникнут какие-то проблемы.

Ему ответил глуховатый мужской голос.

– Виталий Федорович? Алексей Кисанов беспокоит. Ваш сын у меня ассистентом...

– Да-да, я знаю.

– Он не вышел сегодня на работу. Я не могу ему дозвониться... Что с ним? Заболел?

– По моим сведениям, у него никаких проблем со здоровьем не имеется...

– Когда вы последний раз с ним говорили?

– Вчера днем.

– Он часто звонит вам?

– Не каждый день, но пару раз в неделю звонит... Я что-то не пойму, а где Игорь? Если он приболел, то должен быть дома...

– У вас дома никто не отвечает.

– Софья Борисовна, наверное, пошла за покупками... Я имел в виду, у Игоря дома. В смысле, у вас. Он ведь у вас живет? – вдруг тревожно спросил отец.

– У вас есть основания сомневаться в том, что сын рассказывает вам правду?

– Нет, что вы! Просто мой сын немножко скрытный по характеру... У нас хорошие отношения, вы не подумайте, – поспешно добавил он, – но...

...Меж тем Игорь как-то обронил, – Алексей прекрасно помнил! – что отношения с отцом у него близкие. Доверительные. Снова неправда? Или тут дело в каких-то нюансах слова «доверительный»?

– Так объясните мне, что с Игорем?! – долетел до него обеспокоенный голос Виталия Федоровича.

– Боюсь, что у него проблемы, – сдержанно ответил детектив. – И не со здоровьем. Мы можем встретиться прямо сейчас?

– Я занят... Это серьезно?

– Надеюсь понять с вашей помощью. У меня к вам всего несколько вопросов, на полчаса. Он слышал, как отец Игоря колеблется.

– У меня важное совещание... Я не могу его отменить...

– Даже если ваш сын в опасности?

– А он в опасности?

Кис не хотел врать.

– Я пытаюсь это понять, – ответил он.

– Но вряд ли я могу быть вам полезен... Сын не делится со мной своими секретами...

– Вы сказали, что у вас хорошие отношения.

– Да, это так. Но...

Он умолк. Кис подождал.

– Но? – переспросил он, не дождавшись.

– Он очень самостоятельный... У него своя жизнь. Он ведь уже взрослый. А я очень занят по работе...

– А с матерью? С ней у Игоря близкие отношения?

– С матерью?

Виталий Федорович удивился так, словно Игорь родился путем клонирования и ни о какой матери речь не шла даже изначально.

– Ну да, – пояснил Кис. – С мамой.

– Нет... По правде говоря, мы развелись давно, и Игорь с ней не общается...

Кис подумал немножко. Упомянутая Софья Борисовна, которая ушла за покупками, – это, должно быть, вторая жена Виталия Федоровича. Мачеха то есть. Вряд ли она знает о пасынке больше, чем его отец. Так что толку от встречи ни с ним, ни с ней не предвидится.

– Если вы сейчас позвоните сыну и спросите его, где он находится, он вам скажет?

– Наверное... Только он удивится, что я спрашиваю.

– А вы спросите что-нибудь другое. Например, когда он вас навестит. Это нормальный вопрос, не правда ли?

– В общем-то да... Хотя обычно я не спрашиваю.

– Ну, скажите, что соскучились по нему... А между делом уточните, где он сейчас.

Алексей слышал, как отец Игоря, важный человек, который проводит важные совещания, разговаривал с сыном немного неуверенно. Будто заискивал. Что там у них такое в семье? С матерью они разошлись – ничего особенного, бывает. Но вот чтобы сын с ней не общался – это уже не рядовая ситуация, прямо скажем. И Игорь, который скрывает свой социальный статус, живет у детектива и строит из себя бедного студента... «Зачем, почему? Надо бы во всем этом разобраться», – размышлял Алексей в ожидании, пока отец Игоря снова возьмет трубку.

Он не заставил себя ждать.

– Сын сказал, что он на работе... Я спросил, отчего голос хриплый, он ответил – простыл...

Тревога колыхнулась внутри Алексея темной густой массой. Ничего он толком не узнал, но чувал, что Игоря нужно найти как можно скорее. Не то беда может случиться.

Или уже случилась!

Оставался один более-менее верный способ установить местонахождение парня: через мобильный телефон.

Еще полгода назад Алексей непременно воспользовался бы помощью друзей с Петровки, 38. Адрес этот был ему вполне родным: Алексей прослужил там много лет, пока не решил заняться частным сыском, но связь с бывшими коллегами сохранил – и дружескую, и деловую. Так что можно было к ним обратиться. Но Кис предпочел воспользоваться появившейся в Интернете услугой по определению местонахождения человека по его сотовому. Дружба дружбой, а все лучше лишний раз не злоупотреблять ею и не одалживаться.

Он подключился к Интернету, вышел на один хитрый сайт в версии «бета», ввел номер мобильного Игоря и через минуту получил его местоположение на карте.

Им оказалась Большая Сухаревская площадь и ближайшие окрестности. Радиус покрытия – триста метров. Алексей вытащил из бардачка своей «Нивы» подробный атлас Москвы, открыл на нужной странице, разложил его на коленях и принялся задумчиво рассматривать, хотя он, коренной москвич, знал прекрасно, что там увидит...

Институт Склифосовского, вот что!

Разумеется, в радиусе трехсот метров имелось огромное количество квартир и офисов, несколько кафе и магазинов, и Игорь мог находиться в любом из этих мест... Но Алексей чувствовал, что слова про болезнь – отнюдь не шутка. Конечно, дело не в простуде, это-то парень наврал, но с голосом у него был непорядок, гундосил он всерьез, так что дело тут...

«А вот сейчас и узнаем, в чем именно!» – сказал себе Кис и тронул машину.

В приемном покое он довольно быстро выяснил, что Игорь Крымов доставлен вчера вечером с травмами, причиненными побоями.

Хорошенькая «простуда»!!! Кис разгневанно шел по коридору, готовя резкие слова, но они испарились, когда он открыл дверь в палату и увидел вспухшее сине-багровое лицо своего ассистента.

Отметив шок короткой «минутой молчания», он деловито взял стул и приставил к постели Игоря.

– Я уважаю право на частную жизнь, – стремительно начал он. – Я понимаю, что у тебя должны быть свои секреты. И у меня нет претензий, что ты о них не рассказываешь. Но *умолчать* и *соврать* – это не одно и то же. А ты мне соврал. Ты не болен – ты избит. Теперь я желаю узнать правду!

В четырехместной палате находился еще один человек, который, услышав тираду детектива, почему-то решил выйти. То ли по деликатности, то ли металл, звучащий в голосе Алексея, его напряг. Как бы то ни было, его решение пришлось очень кстати: Кис остался с Игорем наедине...

Игорь маялся. Вот уже несколько дней он хотел поговорить с шефом откровенно... Но его смущало одно обстоятельство. Как-то – не так уж давно – он весьма пренебрежительно отозвался о рядовых сыщицких делах. А именно – о слежке за неверными супругами. И вот теперь он сам... Сам следил, как обманутый муж!

Игорю было очень стыдно в этом признаться.

Но шеф сидел молча и ждал ответа. Причем с таким видом, что любому стало бы ясно, что он не сдвинется с места, пока его не получит.

И Игорь решил.

– В общем, дело в том, что я познакомился с девушкой...

– Это она тебя била ногами? – осведомился Кис, решив разрядить обстановку.

Игорь слабо, кривовато улыбнулся – было больно.

– ...Я ее заметил в одном ресторане. Я туда часто хожу... «Регтайм» называется... Там джаз играют.

– Она на саксофоне?

– Нет... Она официантка... Она мне показалась подходящей...

– Подо что подходящей? Под размер твоей кровати? Так это не оригинально, это еще Прокруст изобрел!

Игорь снова невольно улыбнулся: ему нравилась манера шефа шутить, его едва уловимый и незлой подкол. Он поискал какую-нибудь смешную фразу, чтобы сострить в ответ, но ничего не нашел. Не умел Игорь острить, о чем всегда жалел.

– У тебя есть заветный список требований к девушкам, – продолжал меж тем неутомный детектив, – и ты ищешь ту, которая подходит... на роль верной жены? Темпераментной любовницы? Домохозяйки? Будущей родительницы твоих детей? Идеального соратника? Партнерши по кунг-фу?

– Ну ладно вам, Алексей Андреевич! Я просто неудачно выразился... У всех ведь есть какие-то свои критерии, не знаю. Что-то такое, чего мы ждем от встречи... Это невозможно объяснить словами. В общем, она мне просто понравилась...

Он поморщился. Все не так. И не «в общем», и не «просто», и не «понравилась», – потому что когда сердце выпрыгивает из груди, это не называется словом «понравилась»! Все не то, все не так!

А как???

Он не знал. Откровенничать, рассказывать о себе – для Игоря это была *terra incognita*, на скудной почве которой до сих пор не проросло ни одного слова, мало-мальски пригодного для описания того, о чем он думал и что чувствовал, и которое при этом не прозвучало бы смешно, неправильно, неуклюже, нелепо.

А может, все наоборот: он потому не любил о себе рассказывать, что не знал как?

III

...Месяца три назад в районе арбатских переулков Игорь приметил небольшой ресторанчик «Регтайм», где каждый вечер пианист-виртуоз играл джазовые композиции. Игорь занимался музыкой в детстве и теперь завороченно следил за его сильными пальцами, которые то нежно ласкали, то яростно атаковали клавиши. Позже Игорь с ним разговорился и узнал, что Саша, пианист, учится в консерватории и по вечерам подрабатывает.

Виртуозная игра Саши раздражала Игоря. Пианино, на котором он когда-то овладевал музыкальной грамотой, до сих пор стояло в отцовской квартире. Старое пианино, еще бабушки с дедушкой, орехового дерева с двумя бронзовыми подсвечниками, с клавишами из слоновой кости. Если шеф разрешит перевезти его в квартиру на Смоленке... и этот Саша согласится дать ему несколько уроков...

Игорь размышлял, представляя, как будет иногда играть по вечерам для себя. А иногда для друзей. И быть может, для девушки...

В общем, ресторанчик ему очень приглянулся, особенно музыкой. Кроме того, он был оформлен стильно, еда была очень приличной, а официантки миловидными. К последнему Игорь относился скорее эстетически: никаких намерений заводить отношения у него не было. Нет, он против официанток ничего не имел, но не так давно он расстался со своей подружкой и собирался побыть на «заслуженном отдыхе» некоторое время. Вернее, рассталась с ним она. После долгих уговоров сменить работу и найти что-нибудь более денежное и перспективное, чем детективное агентство. «Зачем оно тебе нужно?» – вопрошала она.

А Игорь и сам не знал. Он еще не решил, чем станет заниматься в будущем, – ему хотелось настоящего дела, мужского, которое задействовало бы не только интеллект, но и адреналин. «Детективное агентство» – звучало интригующе, к тому же к зарплате прилагалось жилье, что позволяло ему, не обидев отца, отселиться и начать самостоятельную жизнь.

Адреналина он получил почти сразу же под завязку: того дела с маньяком он никогда не забудет!³ Потом потянулась рутина, мелкие заказы по слежке за неверными супругами и поиск сбежавших подростков... Но зато когда у шефа похитили детей-близнецов, Игорь сумел показать себя на высоте. За такие мгновения любую рутину можно простить!

Объяснить это своей девушке ему не удалось (слова не проросли на каменистой почве *terra incognita*...), и она на него махнула рукой, как на «неперспективного». А Игорь и обрадовался. Не то чтоб он ее не любил, вроде бы даже и любил. Но достали его эти разговоры. И однажды, когда она в доказательство и подтверждение своей правоты обронила фразу о материальном благополучии будущей семьи, Игорь отчетливо понял, что никакой «будущей семьи» у них не будет.

«Регтайм» очень котиrowался среди бизнес-обитателей Старого и Нового Арбата, и сюда после работы стекались молодые руководители и бизнесмены, чтобы приятно провести вечер. Цены в ресторане кусались, что и определяло контингент его посетителей. Но Игорю контингент был без разницы. Интерьер ресторана был оформлен таким образом, что каждый столик, окруженный креслами с высокими спинками, представлял собой небольшой островок. Присутствие соседей практически не ощущалось, и здесь можно было без оглядки вести разговоры о секретных бизнес-проектах или, например, о любви, когда сюда забредала парочка. К тому же живая музыка покрывала шум, и поэтому Игорь ощущал себя наедине с ней, а не в гуще посетителей.

Ходил он туда отнюдь не каждый день – лишь когда накатывало желание не готовить дома, послушать музыку и развеяться. И Кристину он увидел только в свое четвертое или пятое

³ См. Т. Гармаш-Роффе «13 способов ненавидеть», издательство «Эксмо».

посещение ресторана: как выяснилось позже, она работала всего два дня в неделю – она тоже оказалась студенткой.

...В тот вечер он привычно взял в руки меню, но смотрел вовсе не в него, а вслед официантке. Отчего засмотрелся, он сказать бы не смог, – конечно, девушка красивая, и фигурка хорошая, что отлично видно в этом золотистом форменном платье покроя «саксофон», обтягивающем бедра и расширяющемся книзу... Такие платья носили все официантки, и все они были милашками и стройняшками: хозяйка ресторана подбирала их, как в модельное агентство. Но в этой, сегодняшней, что-то было такое... особенное. Об этом ему сразу сказало сердце-доносчик, настучав в стенку ребер. А потом еще добавило, словно проверяя, принято ли его сообщение.

Потом, уже дома, Игорь сформулировал это так: несуетное достоинство. То есть в ней не было суеты, столь ему знакомой по другим девушкам: ни излишне заметного желания в сию же секунду очаровать; ни трезвого, ощупывающего взгляда, рентгеновские лучики которого иногда пробивались через кокетство, словно вычисляя стоимость молодого человека в денежном выражении. Напротив, в этой девушке было то самое достоинство, которое отчего-то всегда сопрягается с незаинтересованностью – синонимом независимости.

Игорь смотрел ей вслед, пока она не исчезла за дверью кухни. И, переведя взгляд в строчки меню, вдруг спохватился. Ресторан-то дорогой, а ведь он, Игорь, при знакомстве с девушкой должен (так он давно решил) выглядеть «бедным студентом»!

Он никак не мог сообразить, как же теперь «выглядеть». Бедный студент просто не пришел бы в этот ресторан!

Задумавшись, уставившись невидящим взглядом в меню, которое он уже знал чуть ли не наизусть! – он не заметил, как официантка подошла к нему.

– Что-нибудь выбрали?

Голос у нее был чудесный. Чистый, ровный, свежий.

– Я... Мне кофе, пожалуйста... И...

У нее на груди висел бейдж, а там написано имя: Кристина.

– И, Кристина, – он еще не знал, что скажет, но нужно же было хоть что-то сказать, – вы не посоветуете мне хороший десерт? Я уже поужинал, так что...

Она откинула назад волосы, светлые с рыжинкой, улыбнулась понимающе и проговорила своим мелодичным голосом названия самых дешевых десертов, немножко склонившись к нему и указывая пальчиком в строчку меню. От нее пахло тонкими духами. И еще чем-то неуловимо прекрасным, отчего хотелось выбирать десерт весь вечер...

В тот день они перекинулись всего парой фраз. Сколько же времени можно есть пирожное? Как ни растягивай, а все выходит быстро! Пришлось смириться с этим обстоятельством. Пора уходить. Он сделал жест, что желает расплатиться, и Кристина принесла ему чек.

Игорь достал портмоне. Привычным жестом вытащил деньги с расчетом на приличные чаевые и спохватился. Он же «бедный студент»! Что же делать?

Он решил все же оставить ей на чай пятьдесят рублей – вышел, конечно, из роли, но и жмотом тоже показаться не хотелось! Кристина взяла из них двадцать, остальные вернула ему:

– Этого достаточно, Игорь. Спасибо.

И возразить он ей не смог. Слишком честно она это сказала.

Он думал о ней остаток вечера, а несколько последующих дней его тянуло увидеть Кристину снова. Но он решил выждать. Ведь бедные студенты не ходят каждый день по ресторанам!

Однако в следующий свой визит в «Регтайм» он Кристину не застал. Наведя справки о ее расписании, он узнал, что девушка работает только два дня в неделю, во вторник и пятницу.

Пятницу он уже пропустил – пришлось ждать следующей недели, и он чувствовал, как нарастало его нетерпение.

Ему показалось, что она ему обрадовалась. Она заметила его еще на входе, улыбнулась ему и махнула рукой – даже не рукой, а так, пальчиками пошевелила, и Игорь тогда еще подумал, что, возможно, официанткам запрещают вступать в личные отношения с посетителями, откуда и этот почти секретный жест.

Он чувствовал спиной ее взгляд, когда выбирал столик. Он сел за тот, что обслуживала Кристина, – тот же самый, что и в прошлый раз, благо столик оказался свободен, – и в этот момент он уже не сомневался, что Кристина ему обрадовалась: спина подсказала!

Помнится, еще только устраиваясь за столиком, он подумал, что если хочет увидеть девушку снова, то место для встреч необходимо менять. Потом, пока он ел свой ужин (самые дешевые блюда из меню), он снова подумал о том же, приметив недовольство хозяйки, высокой светловолосой женщины, появлявшейся время от времени в зале и окидывавшей пространство строгим взглядом. Недовольство ее было вызвано тем, что Кристина слишком долго задерживалась у столика Игоря, потому что им хотелось поговорить, потому что они перешучивались, потому что им было хорошо... И Игорь решил: в конце ужина непременно пригласит Кристину куда-нибудь в другое место. Только бы она согласилась!

И она согласилась.

– В общем, она особенная девушка... – помолчав, сформулировал Игорь, сердясь на себя за банальность слов.

– Все девушки особенные, когда влюблен! – заметил шеф, пряча улыбку при виде светящегося лица своего ассистента.

– Нет, я опять не так сказал... Она умна.

– Это уже кое-что, – согласился детектив.

– Она очень женственна... И потом, она бескорытна.

– Хм. А к тебе можно относиться корыстно? С тебя можно что-то взять?

– Если честно...

Он снова умолк, словно собираясь с духом.

– Если тебе трудно честно, скажи нечестно. Ты ограбил банк?

– Нет... – Игорь едва удерживал губы в нейтральном положении: боль не позволяла ему смеяться.

– Ты выиграл в лото?

– Нет...

– Ты убил олигарха и завладел его состоянием? – Кис сделал страшные глаза.

– Ну, нет же!

– Видишь, отрок, нечестно у нас с тобой тоже не получается. Придется говорить тебе честно!

– У меня очень богатый отец... Вот и все.

– Разочаровал. Никакой романтики.

– В том-то и дело... – грустно кивнул Игорь. – Я не знаю, Алексей Андреевич, что вы думаете при словах «богатый человек»...

– Что он богатый.

– Ну да, – Игорь невольно улыбнулся. – Но мой папа заработал деньги честным трудом!

– В наше время это несчастный случай, – серьезно кивнул Кис.

А сам подумал, что мальчик может и не знать. Какой отец признается своему ребенку, что этого партнера он заказал, а того кинул? Но делиться подобными сомнениями с Игорем он не стал, конечно. Тем более что это всего лишь сомнения, без малейшего основания. Только в силу общей схемы, царящей в обществе.

– Он ученый, – добавил Игорь. – Несколько его изобретений принесли ему деньги. Большие. И теперь он руководит крупной научно-исследовательской лабораторией, которую сам же основал. Работает и по государственным заказам, и по заказам частных фирм...

Вот и слава богу, обрадовался детектив. Никто никого не кидал, гора с плеч, Игорю не предстоят жутковатые открытия.

– Как зовут эту девушку?

– Кристина. У нее бабушка полька, откуда и имя...

– Значит, Кристина относится к тебе бескорыстно, несмотря на то что ты сын богатого папы? – осторожно спросил детектив: пора было подбираться к вопросу о том, кто избил Игоря. И поскольку в разговоре всплыли большие деньги и «бескорыстная» девушка, то об этом следовало узнать поподробнее!

Игорь некоторое время молчал, только иногда мычал неразборчиво, не зная, что сказать, – что вполне прошло под предлогом его боли... Не любил он рассказывать о себе!

Но чертов шеф ждал, и Игорь решился.

– Она не знает об этом... Она думает, что я бедный студент.

– Хм... Что неудивительно, если об этом даже я не догадался. Впрочем, я к тебе отношусь не с таким пристальным интересом, как девушка, – усмехнулся Алексей. – Удивительно другое: что ты решился на такое. Большинству молодых людей... и не очень молодых, впрочем... хочется, наоборот, похвастаться тем, что есть, и даже приврать насчет того, чего нет... Ты это по философским соображениям?

– Можно и так сказать.

– Чтобы тебя любили за то, что ты есть, а не за то, что есть у тебя?

– Точно.

– Что ж, достойное решение... У тебя мачеха? – вдруг спросил Кис, подумав, что на сие достойное решение парнишку, скорее всего, натолкнула не столько отвлеченная философия, сколько печальный семейный опыт.

По тому, как нахмурилось лицо Игоря, он понял, что попал в точку: у богатого папы оказалась *небескорыстная* жена, и парень насмотрелся на семейную «идиллию»...

– Можешь не отвечать, Игорь, – быстро добавил Алексей. – Я к тебе в душу не лезу.

IV

...Мне снилось, что кто-то долбит мой ледяной гроб. Это Игорь! Конечно, разве могло быть иначе? Он пришел, он спасет меня! Игорь, я здесь!!! Разбей этот проклятый ящик, совсем непохожий на хрустальный гроб из сказки... «И встает она из гроба. – Ах!.. и зарыдали оба».

Я протянула свои связанные руки к Игорю, моему спасителю. Ах, и...

...И я очнулась от боли: пальцы мои ударились о металл. Я поняла, отчего мне снилось, будто мой гроб долбят: это я сама во сне билась о стенки тесной холодильной камеры морга.

Игоря тут нет, разумеется... Он меня никогда не найдет. Кому может прийти в голову искать живую девушку в морге?!

Никому. Даже такому умному человеку, как Игорь.

Холод сводит мое тело. Хотя я в куртке и в сапожках, но они уже не защищают. Действие снотворного, видимо, ослабело, – отчего я и проснулась, – но холод медленно сжимает меня своими жесткими ледяными объятиями, усыпляет, гасит сознание...

Сколько прошло времени с тех пор, как меня запихнули в этот ящик? Наверное, немного, раз я еще жива... Тут каким-то образом можно дышать, как ни странно. Вероятно, холодильник для трупов вентилируется...

Я бы сказала, что я «похолодела» при мысли, что рядом со мной, в соседних отсеках, лежат трупы, – но холодеть дальше было некуда.

Ночь сейчас или день? Если прошло немного времени, то еще ночь. Меня ведь привезли в морг ночью...

Кричать я все равно не могу, мой рот заклеен, но вдруг кто-нибудь услышит мой стук? Хотя ночью тут, наверное, никого нет... А если и есть, то кто? Тот дядька, который запихнул меня в этот ящик?!

Если бы тут кто-нибудь был, он стук уже услышал бы.

Если бы кто-нибудь хотел меня отсюда вызволить, то уже бы вызволил.

Игорь!!! Найди меня!!! Я не хочу умирать!!! Как же я буду любить тебя, если умру?!

...Игорь. Ярко-синие глаза, темные волнистые волосы, которые я так люблю ворошить... Мне даже показалось, что пальцы мои ощутили, как пряди скользят между ними, а подушечки уткнулись в то сокровенное, почти интимное тепло, которое царит у корней волос...

Пальцы мои, конечно, ничего не могли ощутить, даже если бы Игорь оказался здесь, – они окоченели. Но, как ни странно, в них вдруг закололо, зачесалось, будто они и впрямь попали в тепло, и по ним, а потом выше, по кистям, по рукам, по плечам, побежала горячей волной кровь...

Игорь, это, оказывается, совсем не метафора, когда говорят, что мысль о любимом человеке согревает! Я тебе обязательно расскажу об этом, Игорь!

Если я когда-нибудь выберусь из этого ящика живой.

...Когда я увидела Игоря в первый раз, он мне показался таким... И слов-то не подберешь. Симпатичным? Приятным? Да, и симпатичным, и приятным, только это ничего не объясняет. Просто мне захотелось еще раз на него повнимательнее посмотреть, и я поторопилась вернуться к нему за заказом.

Наверное, я поставила его в неловкое положение. На лице проскользнуло едва заметное выражение растерянности. У него – я сразу догадалась! – денег хватало только на кофе и пирожные – видно, не ожидал, что у нас такие высокие цены. Но он молодец, нашелся быстро и спокойно сказал, что уже поужинал... И я вдруг обрадовалась тому, что он сказал это так

спокойно, с легкой усмешкой. Не люблю людей, которые чувствуют себя униженными из-за нехватки денег. Да и вообще униженными. Неважно отчего.

А в Игоре ощущалась какая-то уверенность в себе. Он не застенчился и в то же время недовольства ценами не высказал... Был у меня как-то клиент, который забрел к нам случайно и, увидев цены, разразился целой речью по поводу буржуев и воров, поминая Сталина и советскую власть. Дурак, конечно, даже спорить с ним нет смысла, но все-таки нельзя же смешивать всех подряд только на основании денег! Наши клиенты – это молодые люди, они сами делают свою карьеру, своими талантами и своими трудами зарабатывают деньги!

Я хорошо это знаю, потому что вижу и слышу их разговоры. У них настоящий энтузиазм в глазах горит, когда они говорят о своих проектах! Настоящий, творческий!

Другое дело, что с ними будет дальше, когда денег станет много? Когда все уже будет ими куплено, когда желания удовлетворятся? Как я прочитала в одном труде по социологии, собирая материал для будущей книги: *«Люди стремятся разбогатеть, чтобы лучше жить, но качество жизни повышается с увеличением богатства лишь до некоторого предела».*

До некоторого. Что тогда останется от их увлеченности? Что они примутся обсуждать? У кого «Мерседес» мерседеснее?

Вот ради чего я пошла работать в этот ресторан: чтобы узнать, как будут эволюционировать их души.

Игорь был иным. Он пришел сюда один и ни с кем никакие проекты не обсуждал. Просто сидел, слушал джаз и думал о чем-то своем. Я даже решила, что он не начинающий бизнесмен, а скорее начинающий писатель... Или ученый... Оттого и денег нет!

В общем, приглянулся он мне, и я с сожалением подумала, что раз для него наш ресторан дорог, то он сюда больше не вернется. Хотя все же ждала его...

И он пришел! Через неделю. И сел за тот же столик. Я сразу поняла: специально, чтобы его обслуживала я!!!

Я не стала скрывать, что рада его видеть. И все время застревала возле него: мы о чем-то говорили, шутили... На этот раз он взял салат, горячее и даже бокал красного вина – наверное, получил какие-то деньги, а мне его заказ давал возможность подходить к нему несколько раз. Даже наша начальница стала хмурить брови, указывая глазами на других клиентов, ждавших меня.

Игорь это заметил. И предложил мне продолжить нашу беседу в каком-нибудь другом кафе, когда у меня будет свободный вечер!

Я обрадовалась. Он не мог, конечно, знать, что у начальницы ко мне отношение особое: она одна знала истинные причины моей работы в ресторане. Знала, что я заработка не ищу и работаю здесь ради наблюдений для моей будущей книги. И что пригрозить мне увольнением или лишением премии она не может по той простой причине, что меня это не волновало. К тому же она чисто по-человечески мне симпатизировала, сочувствовала моей затее исследовать менталитет будущих миллионеров (или миллиардеров?) и охотно делилась со мной мыслями, когда нам удавалось остаться в ресторане вдвоем, после закрытия. Мы пили кофе с ликером в ее кабинете и рассуждали. Ее интересовала почему-то моя судьба.

«Ты чудо, Кристинка, ты сама по себе богатство, – говорила она, потягивая ликер, – но сейчас они, эти молодые мужики, увлечены собственным «творчеством», как ты это называешь, и им не до того, чтоб разглядывать твои таланты: они упиваются собственными! Сейчас им нужна жена-нянька, которая будет подтирать за ними, пока они со своей бизнес-музой общаются. А когда это самое бизнес-творчество принесет им огромные бабки – тогда им станет нужна вывеска. Вроде галстука престижной марки. Телка на выход, которую они купят за ту же цену, что и галстук... Вот я и боюсь, что пролетишь ты, Кристинка. Из тебя ни нянька, ни телка не выйдет – тебе нужен мужчина, который ценит бы тебя, сокровище редкое, – а где ж такого взять?!»

Я ей возражала, что в ресторане я не для поиска жениха, а для сбора материала к книге. Она только улыбалась скептически и не очень трезво похлопывала меня по спине...

В общем, с хозяйкой «Регтайма» у меня сложились отношения особые, о которых никому знать было не положено.

Что не мешало ей хмурить брови, видя, что я торчу у столика Игоря, несколько пренебрегая обязанностями по отношению к другим клиентам.

Ну что ж, работа есть работа, она права. К тому же перед девочками она не могла показывать свое исключительное отношение ко мне. Зато ее нахмуренные брови помогли Игорю быстро принять решение! И пригласить меня встретиться с ним в другом месте! А то сколько бы еще раз он ходил сюда и тратил свои скромные сбережения ради встречи со мной!..

А в том, что это ради встречи со мной, я уже не сомневалась...

На первое свидание я собиралась, как Золушка на бал. Только ровно наоборот: в отличие от сказочной «замарашки», у меня было слишком много платьев! И я никак не могла решить, какое из них выбрать. Я долго металась по комнате, распахивая дверцы шкафов. Как одеться?!

У меня имелись недорогая одежда, сумки и обувь – все то, что я купила, чтобы не выдавать свое социальное положение. Но Игорь небось захочет меня пригласить в место не дешевое, чтобы произвести впечатление...

И мне тоже хотелось произвести впечатление! Мне хотелось надеть на себя самое красивое, самое изящное, самое женственное, чтобы понравиться ему, чтобы выглядеть максимально эффектно!

Но, как назло, все это «самое-самое» было дорогим. Жутко дорогим!

Что же мне делать?!

Я все металась от вешалки к вешалке в гардеробной комнате, выбирая и отвергая вещи. Ох, и нелегкая эта роль – Золушки! Одно дело *быть* Золушкой, и совсем другое — *делать вид*...

В конечном итоге я сумела найти компромисс. Подобрала себе на вечер туалет, который шел мне, выгодно подчеркивая достоинства моей фигуры, но при этом ни на одной детали не видна была марка – ни на кофточке, ни на юбке, ни на пальто.

Все это было очень важно. Во-первых, не смутить Игоря, который явно жил на довольно скромную зарплату. А во-вторых, я не хотела выглядеть «дорогой девушкой». И для этого у меня имелись весьма веские причины...

V

Игорь понял, отчего шеф спросил про мачеху: решил, что папа женился после развода, и теперь новая жена... Понятно, в общем.

Но все было куда хуже на самом деле. Отец его был женат только один раз.

На Жанне.

...В его детских воспоминаниях мама почти не присутствует. Она обитала где-то на периферии его жизни, изредка возникая в сфере его детского восприятия мимоходом, пролетом, – сказочная Жар-птица. Такая же яркая и неуловимая. Она ассоциировалась у маленького Игоря с праздником, с редким и чудесным ощущением красоты и счастья, недоступного в повседневности... Не то чтобы повседневность его была унылой, но все же рядовой. И отсутствие в ней матери оборачивалось для мальчика не столько тоской ее отсутствия, сколько праздником ее редкого присутствия.

С Игорем сидела няня, бывший научный сотрудник, папа с ней когда-то работал. Человек добрый, строгих душевных правил, всесторонне образованный, она в перестройку попала под сокращение, а в предпенсионном возрасте это был конец. Папа спас ее, взяв в дом, на зарплату, а она спасла папу и Игоря: у них в доме наконец появилась заботливая женщина.

Мама хозяйством не занималась. Она ничем не занималась. Разве что собой. Вставала она поздно, долго слонялась по квартире в пеньюаре, ни с кем не разговаривая, – по пробуждении у нее отчего-то всегда случалось хмурое настроение; затем она лениво завтракала; потом одевалась и исчезала на всю оставшуюся часть дня. Приходила она, когда Игорь уже спал, отчего он ее почти никогда не видел.

Софья Борисовна, няня, заменила ему мать практически во всех ее функциях. Все его детские сказки, все его разбитые коленки, все его проверенные уроки, зоопарк и цирк – все это была «няня Соня».

А мама была «Жанной», так она велела звать себя сыну.

После ухода матери из семьи Софья Борисовна стала в доме полноправной хозяйкой, выполняя с той же добросовестностью, с которой раньше занималась наукой, все функции женщины в семье – кроме функции жены. С папой они просто дружили. Как-то папа сказал ей, Игорь слышал: «Ты можешь не беспокоиться за свое будущее, Сонечка. Я больше никогда не женюсь, и у Игорешки не будет мачехи, а тебя отсюда не выживет новая хозяйка!»

Игорь тогда, помнится, порадовался за няню Соню. Он не хотел бы, чтобы ее кто-нибудь «выжил» из их семьи. Он ее любил.

– Нет, Алексей Андреевич, – потер лоб Игорь. – У меня мачехи нет. Только мама... Отец женился на ней, когда она была еще студенткой. Его студенткой. Тогда, до перестройки, быть профессором и доктором наук считалось престижно... И платили хорошо. Его направление в молекулярной биологии было очень перспективным, так что даже в те годы папа зарабатывал вполне прилично. А уж потом тем более... Но родители давно развелись.

Хм, нестыковочка вышла. Некая Софья Борисовна, отправившаяся за покупками, ввела детектива в заблуждение.

– Как ее звали, твою маму?

– Жанна. Почему «звали»? Ее и сейчас так зовут... Она жива и здорова.

– Вы общаетесь?

– Нет. Просто имя ее иногда мелькает в светской хронике...

Когда Игорю было двенадцать с половиной лет, Жанна заявила отцу, что уходит. К более красивому и более богатому.

Игорь слышал этот разговор – случайно, нечаянно: слишком громко родители разговаривали. Слишком бурно. Позабыв о сыне.

Игорь проснулся, разбуженный их громкими голосами. И вышел из своей комнаты. Дверь в родительскую спальню была приоткрыта, но Игорь заходить не стал. Он притаился в коридоре, с изумлением и горечью слушая взрослые слова.

Жанна сидела на подоконнике и болтала ногой. Красивой ногой, обтянутой в белые лосины. Тогда в моду вошли эти обтягивающие трикотажные штанишки, и Жанна их носила... Это было очень эффектно: белый шелковистый трикотаж на ее стройной загорелой ноге.

Отец как раз в тот момент спросил:

– Ты вышла за меня ради денег и моего положения?!

Жанна ответила:

– Конечно, Виталик! А ты только сейчас догадался? Бедный, бедный дурачок... Ты в зеркало смотришь иногда? У тебя хилое тельце, а в последнее время ты стал лысеть и живот начал выпирать. У тебя узкие плечи, у тебя нет мышц, и не было никогда, ты маленького немужского роста. Как ты мог верить, что тебя может любить и желать женщина???

Игорю показалось, что он получил пощечину. Хлесткую, звонкую, с оттяжкой, с наслаждением, – они получили ее оба, он и его отец. До сих, вот до этих самых пор он никогда не смотрел на отца глазами, которые оценивали бы его по росту, количеству мышц или волос на голове. Для него он был ученым, страстно любящим свое дело, что придавало ему особый ореол чего-то высшего, за пределами мерок роста, возраста и прочих внешних данных. К тому же папа был очень добрым, щедрым во всем, кроме времени – его отнимала наука, к чему Игорь относился с пиететом. Он был веселым, любил шутки, он очень много знал, много читал, судил обо всем с пониманием дела и живостью ума... Папа был личностью. И Игорь уже в свои юные годы умел это ценить. Или просто его так воспитали, папа и няня Соня: личность – это главное. Внутри главное, а не снаружи. В уме, таланте, щедрости, а не в деньгах и не в спортивной фигуре...

И сейчас, когда он услышал слова Жанны, он едва не покачнулся. Это был безжалостный взгляд на его отца – взгляд Женщины. Полный яда и презрения.

Значит, на его папу можно вот так смотреть? Вот такими глазами?!

Самое ужасное заключалось в том, что в ее словах была правда... Жесткая и справедливая.

Нет! Несправедливая! Ему хотелось кричать. Не может быть, чтобы это было правдой! Папа не такой!

А какой? – вкрадчиво спросил его голос внутри. Посмотри на него: так ведь и есть. Обрюзгший, полысевший. Мужчина глазами Женщины. Ее жестоким, требовательным, ничего не прощающим взглядом.

Ему стало страшно. В прихожей висело зеркало, большое зеркало, во весь рост. Игорь к нему приблизился. В полумраке на него смотрел красивый мальчик, высокий для своих лет, спортивный. На душе немножко отлегло. Ему никто никогда не скажет таких убийственных слов!

И вдруг ему стало стыдно. Появилось чувство, будто он предал отца. В мыслях предал. Смалодушничал! *Ведь главное внутри, а не снаружи!*

– Но ты ведь говорила... – донеслось до Игоря, – что любишь... Что я личность... И что остальное не имеет значения...

Папа растерянно лепетал. Краска прилила к щекам мальчика. Отец вел себя стыдно. Он не должен таких слов говорить! Словно он ее упраскивает! Ему нужно сейчас... нужно... нужно ей на дверь указать! И сказать ледяным тоном, как в кино: убирайся вон!

– Мало ли что я говорила! Мне надо было выйти за тебя замуж, чтобы обеспечить себе положение в обществе, вот и говорила.

– Ты мне с самого начала лгала?!

– Конечно, – фыркнула Жанна, поведя плечом. – Причем так лгала, что сама поражалась, как фальшиво выходит. Актриса из меня никудышная, я была неубедительна... Не понимаю, как ты мог принять мои слова за чистую монету!

– Но ты же говорила... Как же я мог тебе не верить? Мне никогда не приходило в голову, что ты способна меня обманывать...

– Ты *хотел* верить, Виталья! И не хотел правды! А ведь она была всегда рядом с тобой, стоило лишь посмотреть в зеркало! Но ты не хотел знать, что ты смешон со своим худосочным тельцем, своей бородкой и вялыми мышцами! Если бы тебе хватило мужества, ты бы этой самой правде вместе с зеркалом посмотрел в глаза. И стал хотя бы заниматься спортом! Ладно, рост бы не исправил, но фигуре придал бы подобие мужественности! А в постели? Ты никогда не задавался вопросом: удовлетворишь ли ты меня?

– Но ты ведь говорила, что тебе хорошо со мной!..

Голос отца совсем сник. И Игорь вместе с ним. Все эти слова – и матери, и отца – погребали его под собой, как пепел Везувия Помпеи.

– Опять двадцать пять! *Говорила*. И что? Слова, слова... Обманывала. А ты должен был сам соображать! Ты кончал через десять минут! Что, ложь моя была слишком сладкой? Правду не хотелось видеть? А какой женщине понравится десятиминутный секс? Ты книжек не читал? Ты фильмов не видел? Об этом и говорят, и пишут повсюду, о сексе! Просто ты не хотел знать. Тебе нравилось думать, что все и так прекрасно! Потому что тебя избавляло это от усилий. А ведь мог бы все улучшить, и тело, и секс, – для этого существуют и упражнения, и препараты!

– Это нечестно, Жанна! Ты затаила все это, а я тебя любил! Ты должна была мне сказать, подтолкнуть, направить... Я бы тогда...

– Не смей меня! Я миллион раз намекала. Я уходила от тебя к любовникам. Но ты не хотел ничего понимать! Ты и здесь делал вид, что веришь мне, когда я тебе внаглую врала про «подругу». – Жанна презрительно качнула ногой. – А почему? Да потому, что тебе было так удобнее! Это избавляло тебя от критического взгляда на себя. И от усилий, чтобы ситуацию изменить. Тебе бы пришлось тогда подвинуть свою ненаглядную работу, урывать от нее время, чтобы делать из себя мужчину. Знаешь, что я тебе скажу, Виталья? Ты послушай меня внимательно, может, хоть на будущее сгодится... Когда не хочешь видеть правду о себе, то уже никогда ничего не исправишь в жизни. Чтобы исправить недостаток, нужно сначала признать, что он у тебя есть. Но когда врешь себе, что недостатков у тебя нет, то и исправления быть не может!!!

– Ты дрянь, лживая дрянь! Ты мне лгала все эти годы!..

– Наконец-то дошло! Не забывай только, Виталенька, что все эти годы я растила ТЕБЕ сына... И ты, идиотище, все эти годы был слеп, самонадеян... И... и счастлив!!!

– Ты его плохо растила! Ты по мужикам бегала! Если бы не Соня, то...

Жанна изящно соскочила с подоконника.

– Как могла, так и растила! – произнесла она тем тоном, которым ставят точку в разговоре. – А ты и вовсе не растил, ты больше бегал по конференциям своим, никому не нужным. Теперь я долг выполнила, мальчик уже большой. Растить его дальше сам. Он мне в новом браке будет мешать. Ариведерчи, Виталик!

Игорь, оглушенный, вжался в стенку, невидимый в темноте коридора.

Это была казнь. Отцу и сыну.

На следующий день Жанна исчезла из их квартиры.

Жар-птица улетела навсегда, оставив за собой, как шлейф духов, чувство ущербности – отца, Игоря и всей их жизни.

Он много думал потом об услышанном разговоре. Взрослея, переоценивая и переосмысливая его из года в год. И чем больше думал, тем больше копилось у него холодно-яростного гнева к матери и тяжелого, душащего сочувствия к отцу за то унижение, за постыдную слабость и глупость, с которой он так подставился... Не только в том разговоре – во всей его жизни с ней.

Как ни странно, но куда меньше Игоря задела слова матери о нем самом. Он с усмешкой, хоть и недоброй, вспоминал: «Я ТЕБЕ растила сына», «Он мне в новом браке будет мешать». Никакой внутренней связи с матерью у Игоря не существовало изначально – ничего и не разрывалось, ничего и не болело.

...Утром после того разговора Игорь постарался сделать вид, что ничего не слышал. Что ничего не случилось. Когда папа сообщил ему об уходе Жанны, он только кивнул: ясно, мол. Ушла и ушла. Отец смотрел на него с плохо скрытым недоверием и подозрением, но Игорь оставался невозмутим.

Прошли годы. Они жили нормально, хорошо жили. С папой и няней Соней. Игорю было, кажется, семнадцать, когда он отважился спросить отца:

– Пап, как я понимаю, мама вышла за тебя из-за денег, да?

– Наверное, – неловко улыбнулся тот.

– Пап, а когда ты женился, ты не видел, что она ради них только?..

Отец помолчал. Игорь чувствовал, что он взвешивает слова, подбирая какие-то доступные разумению сына. По крайней мере, с точки зрения отца.

– Пап, я пойму. Скажи как есть.

Отец потрепал его затылок.

– Хорошо. Когда один человек обманывает другого, то в данной ситуации есть два действующих лица: один, который обманывает. Второй, которого обманывают. И в обмане виноваты оба.

– Я понял.

– Ты уверен?

– Конечно. Вина разделена на двоих. Ты ведь это хотел сказать?

– Не пойдет. Поверхностный ответ. – Отец всегда требовал от Игоря, чтобы он додумывал свои мысли до самой их «подкладки». – Вина обманщика не нуждается в комментариях, с ним все понятно. А почему виноват обманутый?

– Тебе нужно было не рассказывать, что ты богат! Вот это и есть твоя ошибка. Тогда она бы не стала тебя обманывать!

– Как же я мог не рассказывать? Во-первых, всем в институте было известно, что в моем научном направлении большие перспективы. Денежные. Во-вторых...

И он вдруг запнулся.

– Во-вторых, тебе хотелось ее привлечь своими деньгами... известностью... Да?

Отец не ответил.

– Ты меня всегда учил, что главное внутри, а не снаружи. Но ты почувствовал, что такими ценностями *ее* не привлечь... И ты изменил себе, папа! Ты кинул ей кость, а она вцепилась в нее...

– Игорь, выбирай выражения! Это все же твоя мать!

– «Все же», – усмехнулся Игорь. – Мапочка, ау, где ты? Ха, что-то я не слышу ответа... Папа, какие выражения я должен выбирать? Разве это не так, не «кость»?.. Не говори только, что меня это не касается, что это ваша личная жизнь! Я имею право знать!

– Я не говорю этого, Игорь. Ты имеешь право знать, именно поэтому я стараюсь ответить на твои вопросы. Но это нелегко... Пока ты не влюбишься, ты не поймешь. Как теряешь голову,

как на все готов и как веришь каждому слову, не подозревая, что оно лживо... Тем более когда знаешь, что ты – личность, что у тебя незаурядный интеллект, признанный во всем ученом мире талант, щедрая душа. Ты попросту не представляешь, как можно это не ценить, потому что сам ценишь личность в других! Ты уверен, что отношения между людьми строятся на этом, внутреннем. А внешнее – это так, завитушка, оправа. Приятная, но неважная... И когда тебе лгут, ловко повторяя твои же слова о ценности личности, ты веришь.

– Твоя вина в этом? Что ты поверил?

В глазах отца мелькнуло грустное сожаление, которое Игорь воспринял как подтверждение.

– Скажи, а красота женщины – это тоже «завитушка»?

– К чему ты клонишь? – насторожился отец.

– Ты меня извини, папа, но тогда выходит, что ты тоже купился на внешнее, на красоту, – со всей своей семнадцатилетней категоричностью заявил Игорь. – Ты тоже не разглядел ее личность!

Отец молчал. Игорь чувствовал, что он борется между желанием выглядеть в глазах сына правым и безгрешным и желанием быть честным. Честным, каким он всегда был, его отец.

И Игорь тоже, он боролся между желанием видеть своего отца правым, стереть из памяти те страшные, но по-своему, по-сермяжному справедливые слова, которые бросала ему в лицо пять лет тому назад мать, и желанием правды. Желанием, чтобы отец оказался честен, как всегда. Даже в таком трудном и жестоком для самолюбия разговоре.

– Да, – ответил наконец Виталий Федорович. – Красота, гармония черт нам почему-то кажется выражением гармонии души. Может быть, природа так и задумывала, только замысел ее не воплотился по каким-то причинам... Я был уже взрослый, умный мужик и должен был это понимать. Я мог это понять, если бы захотел. Но я... Я не хотел.

Отец, кажется, немного покраснел.

«Ах, обмануть меня не трудно, – я сам обманываться рад», – вспомнил Игорь стихотворную строчку, над которой уже не раз размышлял. Почему Пушкин был рад «обманываться»? Зачем ему? Зачем?!

Или он знал что-то такое о человеческой природе, чего Игорь пока не сумел понять?

Его пугала эта мысль. Она ему решительно не нравилась, эта мысль! Он не хотел хотеть обманываться!!!

Или фишка в том, что поэт точно знал, что обманывается?.. И потому позволял себе эту слабость, одновременно видя ее, как на ладони? Изучая ее, рассматривая, даже любясь ею... А папа обманывался по-настоящему, не подозревая, не догадываясь... В этом вся разница, да?!

– Ты прав, Игорь, что спрашиваешь, – добавил отец после паузы. – Ты должен это знать. Чтобы не повторить моей ошибки.

Нет-нет, Игорь все переставил с ног на голову! Это Жанна виновата во всем! Обманывался папа или нет, главное в том, что его обманывали, и все, и точка!

Игорю хотелось, чтобы жизнь наказала ее за ложь, за унижение. Но, если можно доверять светской хронике, Жанна жила весело и беспечно.

С другой стороны, он не желал ей зла.

Все-таки она была его матерью...

И Жар-птицей.

VI

...Я не хотела выглядеть «дорогой девушкой». И для этого у меня имелись весьма веские причины.

Все началось в тот сентябрьский день, когда мама вернулась из Германии. У нее там подруга живет, учились вместе в педагогическом, и мама к ней ездила в гости уже второй раз за месяц. Со мной оставалась бабушка, она тогда была еще жива.

Вернулась мама из путешествия какой-то странной. Почти весь день ничего не говорила и была очень задумчива, я еще тогда удивилась, ведь у мамы характер легкий, веселый, она вечно то шутила, то песенку пела... Я подумала: «У мамы там приключилась любовная история!» Мне было всего двенадцать лет, но я очень явственно ощущала, что мама мается от одиночества, что ей нужен мужчина, муж. Отец мой растворился на просторах нашей необъятной родины, как только узнал, что мама беременна. Я его никогда не видела и, признаться, не испытывала желания увидеть. Но за все двенадцать лет моей жизни не нашлось ни одного настоящего мужчины, который бы захотел жениться на «женщине с ребенком» и зарплатой учительницы начальных классов...

Я все прикидывала, как бы так расспросить маму о любовной истории – и, главное, собиралась ли она замуж? – но не знала, как к делу подступиться. Мама ведь меня считает маленькой, не расскажет мне свои взрослые дела! И только когда мы закончили ужинать...

Мы припозднились с ужином в тот день. Была суббота, наутро рано не вставать, и мы сели за стол только в девять вечера. Поели мы в непривычно тихой атмосфере: мамина задумчивость словно усилилась вместе с сумерками. Но я чувствовала, что в воздухе копится какое-то электричество, которое должно разрядиться: мама мне скажет! Я была в этом практически уверена!

Так оно и вышло. Мы закончили ужинать, мама достала плитку шоколада – мы любили с ней после ужина ломать вдвоем шоколад по квадратику и о чем-нибудь болтать. Вдруг она, вместо того чтобы сесть на место, подошла ко мне сзади, положила руки мне на плечи и сказала сдавленным голосом: «Криска, мы с тобой теперь богаты. Страшно богаты...»

Я закинула голову назад, чтобы увидеть мамино лицо: я была уверена, что она шутит! Но лицо ее выглядело страдальческим, а надорванный голос не позволял поверить в шутку...

Оказалось, что мама, гостя в августе у своей подруги в Германии, решила вместе с ней сыграть в лото. Они смеялись и шутили, что непременно выиграют, и, конечно, не верили. И все-таки, уезжая, мама записала свою комбинацию цифр на листочке и придавила его магнитом с клубничкой на холодильнике подруги.

И случилось невероятное: ее комбинация выиграла! Подруга позвонила ей, мама отыскала свою квитанцию, служившую доказательством выигрыша, сорвалась, поехала... Никому ничего не сказала – хотела убедиться, что не сон, что не розыгрыш!

Вот, убедилась. Вернулась тихая и подавленная, словно ее ударили по голове.

Это я теперь понимаю, будучи уже взрослой, что должна была чувствовать моя мама, тридцатилетняя мать-одиночка, имеющая на руках двенадцатилетнюю дочь – меня то есть. Мы жили в однокомнатной квартире и спали на одной широкой кровати. Понятно, что у мамы не было даже любовника... И вдруг по башке: выигрыш размером в пятнадцать миллионов марок! С копейками. Вернее, с пфеннигами, или как их там...

Я завалила маму вопросами: как теперь жить будем? Но она только головой качала и отвечала, что не знает пока. Зато я срочно выяснила, что теперь у меня будут джинсы моей мечты, и велосипед, и красивые часы! И все-все, на что у меня слюнки текли в магазинах!!!

И вправду, весь следующий день мы только и делали, что покупали мне вещи. Все, чего я хотела!

Пока я не устала хотеть.

Возвращались мы с мамой домой на такси. Мы жили на шоссе Энтузиастов, в дымном рабочем районе, который словно принадлежал другому городу, а не кокетливой Москве, вечно прихорашивающейся внутри Садового кольца... Это такси было первым в моей жизни! Тогда еще не существовало пробок, тогда такси являлось действительно роскошью...

Сейчас я понимаю, что мама сделала настоящий жест любви: она не побежала покупать шмотки себе, она устроила праздник мне, своей дочери. Можно представить, как она переживала раньше, что не могла мне купить то, что я просила. У меня не было еще детей... и уже не будет... я умру тут... Но я люблю маму, и я люблю Игоря – а любовь, за вычетом каких-то деталей, одинакова по своей сути, я уверена! Я бы тоже побежала первым делом для мамы. И для Игоря.

Игорь... Я знаю, он пытается меня найти, пытается понять, куда я запропастилась и почему! Он, боюсь, думает, что я его бросила... Эта сволочь, жирный Клоп (его в банде все звали так, Клоп), он регулярно прослушивал записи на моем автоответчике. Игорь ведь и представить не может, что меня похитили! И что автоответчик прослушиваю не я...

...Мама была такая счастливая, когда уволилась с работы! Сделала она это с облегчением.

Первоклашки ее не слушались. Она была очень доброй и, как бы это назвать, уважительной, что ли, к ним. Она своих малявок почитала за людей и часто уступала им, понимая детские души и им сочувствуя... Даже их желанию пошалить. На уроках ее было всегда слишком шумно и слишком весело. Неприятностей из-за этого у нее было предостаточно. Директор считала ее «слабым педагогом», а мама говорила мне: «При чем тут слабость? Просто я не хочу муштровать ребятишек, они тоже имеют право на глоток свежего воздуха...»

В свои двенадцать лет я маму отлично понимала. Она ведь меня старше всего на восемнадцать лет, самая молодая мама из всех! К тому же я унаследовала ее характер, и мне словно изнутри было понятно все, что происходило в ее душе.

...То время было необыкновенно веселым. Мысль о том, что теперь мы можем себе ни в чем не отказывать, нас пьянила. Мы приходили в магазин и покупали все, что только могло взбредить в голову. Какие-то голубенькие чашки, о которых мы, как внезапно выяснилось, давно мечтали. Пару хрустальных ваз и три салатницы, совершенно ненужных, – просто хрусталь тогда еще казался чем-то ценным, а у нас дома его не водилось... Платья, юбки, блузки – всего этого мы наташили из магазинов столько, что уже не знали, куда складывать. Мы ели какие-то невообразимо дорогие продукты, о которых раньше только слышали, – и оказалось, что большинство из них не представляют собой ничего особенного, а то и просто невкусны...

Весело нам было не столько оттого, что мы все это приобретали, а от самого ощущения, что мы *можем* приобрести. То есть радость приносили не сами вещи, а возможность их купить. Или даже не возможность, а, наоборот, тот факт, что исчезло тягостное ощущение *невозможности* купить!

Правда, как только мы привыкли к тому, что теперь все возможно, радость наша поутихла. Ну, купили. А дальше что?

...А потом мама решила, что нам нужно сменить жилье. Это было и так понятно, но мы немножко призабыли о тесноте, увлеченные походами по магазинам. Впрочем, наши бездумные покупки об этом нам и напомнили: мы затоварились дальше некуда.

Мама сияла: «Криска, мы с тобой переедем в новую квартиру! Вернее, не в квартиру, а в целый дом, слышишь?!»

Дом?! Значит, это не на шоссе Энтузиастов? Не в Москве? В деревне?!

Я не хотела ни в какой дом! Ведь переезд туда означал, что я расстанусь с подружками!

Я ныла, канючила, плакала и дулась на маму целую неделю. Но мама настояла. Она решила, что глупо растрачивать деньги на всякую ерунду и что нужно мыслить глобально!

...Тогда для меня слово «Рублевка» ничего не значило, я понятия не имела, что за ним кроется. Да и мама тоже. Это ей в агентстве по недвижимости посоветовали. Раз уж, мол, вы хотите по-настоящему хороший дом в по-настоящему хорошем месте, то нужно покупать там! Там госдачи, там сам президент живет, академики всякие и еще какие-то известные люди, и цены растут с каждым днем, – так что выгодней вложения и представить нельзя!

В агентстве по недвижимости – я до сих пор в этом убеждена – маму надули. Молодая женщина, которая взялась за ее заказ, имела такие хитрые глаза, что они аж косили от хитрости! Отчего в ее порядочности усомнился бы любой. Но только не моя мама! Будучи сама человеком честным, она была уверена, что люди устроены именно так, по-честному, а прохиндеи существуют лишь в кино и на страницах газет. Когда я сказала маме, что тетка из агентства ее дурит, она меня отругала за грубые слова и подозрительность. А при чем тут подозрительность? Я нутром чувствовала, что маму при сделке обокрали!

Но доказать этого, конечно, не смогла. Хотя мне уже и исполнилось тринадцать, я все же была еще мала для чтения договоров по сделке с недвижимостью...

В общем, так получилось, что мама приобрела довольно большой дом в одном из поселков в районе Рублевского шоссе, не там, где были государственные дачи с президентом, правительством, академиками и «звездами», а в одном из тех новых, которыми Рублевское шоссе обрастало по окружности с невероятной скоростью, съедая старые деревни и леса. Там активно строились новые русские – вот к ним мама и попала в компанию.

Наверное, это было самой большой ее ошибкой.

Первое время после переезда мы были очень счастливы. Эйфория вернулась – ведь мы отделывали наше жилище так, как хотели! В этом был немалый элемент творчества – он-то и делал нас счастливыми...

Это чувство я вновь испытала много лет спустя, когда начала собирать материал для будущей книги и делать наброски, записывать мысли: я его узнала по ощущению радости и свободы....

Единственное, что меня немножко расстраивало, – это что мама робела сделать все по своему вкусу и слишком часто заглядывала в модные журналы, ища в них указаний. Так, она решила покрасить стены в белый цвет, потому что это оказалось модно. А я ненавижу белые стены! Они напоминают больницу, в них нет ни души, ни характера... Но все же я настояла на том, что в моей комнате будут обои, которые я сама выберу, как и мебель. Хотя мой характер и похож на мамин, но все же я личность куда более решительная. И свои взгляды я отстаивала рьяно, бдительно охраняя их от любого покушения.

Видимо, именно из-за этой черты, несмотря на малый мой возраст, я меньше поддавалась на разного рода обольщения, пытаюсь оградить и маму от посягательств в любом виде. Начиная от рекламы разных товаров и услуг и кончая претендентами на ее руку.

А их объявилось вдруг превеликое множество. Из каких щелей они повылезли, эти мужики всех возрастов, – уму непостижимо! Никого не было вокруг нас, пока мама не обзавелась миллионами. Ни одно другополое существо не предлагало ей свое сомнительное плечо и хоть подобие чувств. А тут вдруг нате вам: кишмя закишели! Запели в унисон, как в мультяшке про Пластилиновую Ворону: у вас такие перья, у вас глаза такие, копыта очень стройные и добрая душа!

Пустить это дело на самотек я не могла: мама была слишком доверчива, особенно когда кому-то приходило в голову прошептать: «Поверьте, ваши миллионы меня не интересуют, просто о такой женщине, как вы, я мечтал всю жизнь...»

Ага, а где ты был раньше, мечтатель? Эй, куда запропастился, романтичный такой, когда мы жили в крохотной квартирке на шоссе Энтузиастов да на зарплату учительницы начальных классов?

Но тут было не шоссе Энтузиастов – тут была Рублевка, и, вовлеченная в круговорот «светской жизни», мама моя получила сомнительную привилегию возбудить интерес тех, кто бытие измерял в долларах.

Я бдела изо всех сил! Я отбрасывала их язвительными шутками, – слава богу, что мама, с ее лояльными взглядами на отношения с подрастающим поколением, считала своим долгом познакомить меня со всеми кандидатами на ее руку и сердце. Они, эти жуки, натолкнувшись на язву-дочку, пребывающую в трудном подростковом периоде, рано или поздно охладевали... К их счастью! Иначе бы я, несмотря на мою унаследованную от мамы доброту и покладистость, придушила бы их в первую же брачную ночь!

Но, понятное дело, за всеми мамиными историями я уследить не могла, и она нередко избегала моего бдительного ока. И что же?! Пару раз чуть замуж не вышла! Я умоляла ее только об одном: пожить с претендентом хотя бы полгода до официального брака! Я готова была терпеть чужого мужика в нашем доме, тем более что я стала обладательницей собственной прехорошенькой комнатки, в которой можно было укрыться от его приторной рожи, только бы мама открыла глаза на его истинные интересы!

К счастью, мама мне уступала, замужество откладывала. А повседневная жизнь с кандидатом на руку (на мамино состояние, следовало бы сказать!) быстро ставила все на свои места! Я подслушивала как могла и где могла и знала, что хоть разок в неделю, да подъезжал к ней будущий супруг с разговорами о деньгах. И каждый раз из этого разговора вытекало, что потратить деньги нужно на него, конечно. Ни одна сволочь не предложила потратиться на маму! Кандидаты в мужья, равно как и те, кто пока не удостоился данного звания, обходились цветочками и дешевыми подарками... Одному на машину нужно было, другой хотел, чтобы она деньги вложила в его сомнительную контору, третий в долг просил, четвертый плакался, что долгов наделал, – не заплатишь ли, мол, дорогая, за меня?

Да-да, на этой «элитной» трассе обитало не так уж мало людей, живших в кредит. И без разницы, откуда кредит: из банка ли, от доверчивого лоха ли... И маму мою они держали за... Как в женском роде будет «лох»? «Лохачка»? «Лохушка»?

Проще говоря, за дуру держали.

Я смотрела на маму и гадала: в чем же дело? Разве не достойна она любви? Я изо всех сил старалась посмотреть на нее глазами мужчины. Не знаю, насколько мне это удавалось, но у меня выходило, что мама очень миловидная женщина с хорошей фигурой, хоть и чуток располневшей. А уж о характере и говорить нечего: золото просто! И умной она была – непрактической, правда... У нее другой был ум: она легко могла понять любую мысль, даже ту, которую слышала впервые; она чувствовала поэзию, музыку, природу...

У меня была Прекрасная Мама, я это знала! – и тем больше я ненавидела мужчин, которые не ценили это, интересуясь лишь ее нечаянными миллионами и считая ее доверчивой кретинкой, которую легко обвести вокруг пальца.

Хорошо, что у мамы была я! Хоть я и младше ее на целых восемнадцать лет, однако ж я была не столь доверчива. Иногда я пыталась маме что-то объяснить – слушала она скептически, если честно, считая, что в мои молодые лета я не могу понимать сложные вещи; иногда я действовала капризами и всякими дерзкими выходками. Но я добилась своего: мама не вышла замуж ни за кого из этих жуков! Она благодаря мне научилась со временем видеть их насквозь!

Мама. Что станет с ней, если я умру? Как же она будет, без меня?

Хотелось плакать, но слез не было. Наверное, они замерзли. Скоро совсем превратятся в ледышки...

А моя кровь? Сколько времени нужно, чтобы она остыла окончательно, от тридцати шести и шести десятых градуса до нуля, а затем перешла в минус?

Я представила, как кристаллики льда разрывают мои сосуды – так разрывает бутылку, забытую в морозилке, замерзшая вода... Если я не буду к этому времени мертва, то я умру от боли!

Лучше заснуть снова. И больше не просыпаться.

...Что станет с моей душой, когда я умру? Она ведь такая огромная – она намного больше моего тела! Она так часто летала к звездам, вопрошая об их хрустальных тайнах; она в лесу стелилась по травам и цветам, шелестела вместе с листвой, чувствуя, как течет в них сок-жизнь; она обнимала землю, прислушиваясь к ее ровному, глубокому дыханию; она заглядывала в глаза зверей и птиц, чтобы познакомиться с ними поближе... Она во всем этом жила, моя душа, и она там осталась, она не может исчезнуть бесследно! Она не может зависеть от этого маленького тела, которое умирает в железном ящике, скорчившись от холода!..

Что же будет с моей душой – такой огромной, как этот мир? Ее ведь нельзя поместить в гроб, ее нельзя закопать в могилу!!!

Если бы только я могла верить в рай...

Вдруг я вспомнила одну свою идею, ненаучную, скорее сказочную, но она мне очень нравилась. Когда в школе я узнала о строении атома, меня поразило его сходство с космическим устройством: планеты так же вращаются вокруг звезд, как малюсенькие частицы вокруг ядра атома. И тогда я подумала: а вдруг все атомы – это маленькие системы, аналогичные нашей Солнечной? Просто они находятся в другом измерении! Настолько *другом*, что нам никогда не пересечься друг с другом. Мы никогда не увидим, как сверкают солнца в этих минускулах, мы никогда не увидим, как живут на их планетах люди, – такой же обычной жизнью, как мы, не подозревая, что существует другое измерение, в котором все бесчисленное множество их галактик кажется всего лишь атомами... И тогда выходит, что в ножке моего стола на кухне – вселенные! И в ложке кофе. Как и в моем волоске!

Но кто скажет, что мы, такие вроде бы огромные, неизмеримо огромные для этих атомов, кто скажет, что мы не являемся атомами в какой-то другой системе? И наше солнце, наши реки, леса, мы сами, люди, все наши мысли, желания, чувства – все это лишь невидимый атом в том измерении?! И наша Солнечная система существует на правах атома в ножке чьего-то стола на кухне или в чьем-то волоске? Который расчесывает поутру некая гигантская барышня, не подозревая, что движением своей расчески она сотрясает целые вселенные!..

Я не знаю, как эти миры могут пересечься, но мне всегда казалось, что понятие бесконечности должно крыться в этом образе. Бесконечность, она не в длину и ширину, – она в перетекании миров, что-то вроде ленты Мебиуса... Между ними должен быть какой-то контакт, хотя мое воображение не справляется с этой идеей, но он должен быть!

Вот туда и уйдет моя душа, и будет жить в другом мире, столь похожем на наш, хотя в нашем мире он всего лишь атом в моем волоске...

...Я засыпала, вновь проваливаясь в сугробы сна, и мое сознание скользило по ленте Мебиуса в другие миры.

VII

...Судя по теням, пробежавшим по лицу Игоря, парнишка вспоминал какие-то неприятные вещи. Алексей не собирался его расспрашивать. Он был рад даже столь скупой откровенности своего ассистента, – теперь он будет куда лучше его понимать! И подробности Алексею не нужны: разве не видел он таких пар? Еще как видел! А вот отвлечь Игоря от неприятных воспоминаний следовало.

– Неважно, Игорь, оставим эту деликатную тему. К тому же схема эта более-менее распространенная, так что все понятно...

О нет, это не может быть понятно никому! Напрасно шеф так думает! Ему никогда, никогда не понять, сколько стыда, сколько унижения испытал Игорь – за отца, за себя! И сколько раз он думал-передумывал все, что говорила мать, что говорил отец... И выходило, что каждый по-своему прав, но две правды сталкивались в лоб, опровергая одна другую, и истина из них никак, отчаянно никак не рождалась!!!

Алексею показалось, что тени на лице Игоря только сгустились. Непонятно, он вроде бы ничего обидного не сказал... «Срочно менять сюжет!» – подумал Кис.

– Так ты решил не афишировать при знакомстве с девушками, что... – заговорил детектив, не зная толком, как выкрутить на более непринужденную тему.

– ...Что отец мой богат, – откликнулся Игорь. – Что для меня он не жалеет денег и что я единственный наследник немалого состояния.

– Понятно. И ты нашел наконец ту, которая не интересовалась твоим кошельком, так?

– Это звучит смешно, да?

– Почему ты так решил? – удивился Кис.

– У вас такое лицо, будто... будто...

– Игорь, я с большим уважением отношусь к твоему решению. Мало кто на твоём месте удержался бы от удовольствия попижонить перед девицами своими финансовыми возможностями. А улыбнулся я потому, что представил, как это, должно быть, нелегко. Вместо того чтобы посадить свою избранницу в такси, ты ее провожал на трамвае?

– Нет, до такого не дошло, – усмехнулся Игорь. – Все же вы мне платите зарплату, шеф! Я могу позволить потратиться на такси и даже на несколько ужинов в ресторане... Но вы правы, я не раз попадал впросак. Например, как-то я повел ее в «Макдоналдс» – ну не мог же я каждый раз приглашать ее в дорогой ресторан, я же выдерживал стиль бедного студента! – и сел за столик в ожидании, что к нам подойдет официант...

– Хорошее начало. А Кристина?

– Она первая сообразила, что там самообслуживание, – сконфузился Игорь. – Увидела, что люди идут с подносиками. А прилавок нам не видно было, мы вошли в боковую дверь.

Кис рассмеялся, представив сцену.

– А ты, выходит, никогда там не был?

– Не довелось. Папа считал, что это дурной тон. А няня Соня считала, что там вредная пища... И еще были казусы. Вы видите, Алексей Андреевич, я одеваюсь просто. Я люблю хорошие вещи, как все, наверное, люди, но я не хочу, чтобы уважение ко мне ассоциировалось с марками, которые на мне, понимаете?

– Еще как.

– Конечно, – кивнул Игорь, – это я просто так спросил, фигура речи. Я знаю, что у вас такие же взгляды. Меня это, честно сказать, очень поддержало. Иногда мои друзья говорят мне, что я псих...

– Можно я не буду терять время и убеждать тебя, что ты не псих?

Игорь улыбнулся.

– Но есть у меня какие-то вещички, которые стоят немало. Мой мобильный, к примеру. Или плеер. Пришлось все это припрятать, чтобы не выйти из роли «бедного студента»... С одеждой тоже не все гладко получалось. На свидание к девушке хочется одеться в самое лучшее, вы же понимаете... Но я старался выбирать те вещи, на которых нет какого-нибудь фирменного лейбла. А как-то забыл. Пришел в пиджаке и только потом заметил, что на рукаве нашивка одной очень дорогой фирмы. Я сначала все выворачивал руку по-дурацки, чтобы она нашивку не увидела, – Кристина даже спросила, что у меня с рукой. Я соврал, что потянул мышцы и болит... Потом пошел в туалет и стал отдиравать нашивку. Ножниц у меня не было, так знаете, что я сделал? Я отодрал ее зубами! Чуть челюсть себе не вывихнул – так крепко она была пришита! А однажды я еще карточку кредитную забыл из портмоне вытащить. Уж само-то портмоне дорогое, из хорошей кожи, – Кристина, помню, на него с любопытством посмотрела, а тут еще и кредитка «Виза платинум»! В общем, непростая это задача – играть роль...

Рассказ Игоря был прерван приходом врача.

– Выписывайте меня, доктор! – произнес Игорь. – Ничего не сломано, так, синяки только!

Доктор бормотал с умным видом, осматривая и ощупывая синюшные скулы Игоря и грудь:

– Йодную клеточку делать. Как в детской тетрадке, йодом на ребрах клеточку нарисовать, понятно? Там, где болит. В ребрах трещина, «клеточка» вам поможет...

– Я видел, как мне ночью медсестра делала. Действительно помогло, кстати!

– Вот-вот, обязательно сделайте! И грудную клетку полотенцем перетянуть. А на синяки – мази. Рецепт получите при выписке.

– Я могу ехать домой?

– Можете. И постарайтесь сюда больше не попадать, молодой человек.

Игорь отлично готовил, и, с тех пор как он поселился на Смоленке, продукты в холодильнике водились постоянно. Не то что в их с Ванькой холостяцкие времена, когда пачкапельмений считалась роскошью!

– Давайте пообедаем, Алексей Андреевич? – спросил Игорь, едва они вошли в прихожую. – Есть хочется. В больнице дают такую гадость, что я ничего не съел за завтраком.

Кис с удовольствием принял предложение, и они отправились вместе на кухню, накрыли стол и уселись.

Алексей предложил выпить красного вина, желая внести нотку расслабленности, и Игорь согласился, что было с его стороны жестом исключительным. Но, видимо, он тоже дорожил этим моментом доверительного единения и желал его поддержать и продлить...

После обеда они перешли в кабинет, и Алексей выкатил свое начальственное кресло из-за начальственного стола, поставил его напротив кресла для посетителей, в котором расположился Игорь, – дружественный знак равенства. Бокалы они угнездили на краю обширного письменного стола, и Алексей достал из заветного ящичка сигару – с тех пор как он бросил курить, изредка позволял себе посибаритствовать с хорошей сигарой.

Вино сделало свое скромное дело: Игорь повеселел, расслабился, глаза заблестели. Он объявил, что чувствует себя отлично, хотя его избитое лицо плохо сочеталось с этим утверждением.

Алексее нужно было еще многое узнать, собственно, главное узнать! Но до сих пор он не торопился: все, что рассказывал Игорь, равно как и то, о чем он не рассказывал (но зато выдавало его лицо), – все было ценным: и парнишку хотелось узнать получше, и для приключившегося с ним избиения каждая крупичка информации могла оказаться важной.

Однако иногда промедление опасно для жизни. Детектив никогда не забывал об этом. И потому решил, что теперь пора подгрести поближе к делу.

– Ты сказал, что Кристина «сообразила»? – обрезав кончик сигары, небрежно спросил он.

– В каком смысле?

– Когда вы пошли в «Макдоналдс», она первая *сообразила*, что это столовка.

– Да.

– Выходит, до этого она никогда не была там?

– Не знаю...

– Это ведь недорогое заведение, ей вполне по карману. Если она *сообразила* – значит, никогда там не была. Тогда как почти все, наверное, жители Москвы посетили это заведение хотя бы один раз: кто из любопытства, а кто из-за относительно недорогих цен...

– И что?

– Пытаюсь понять. Меня что-то насторожило, Игорь... Расскажи о Кристине побольше. Она работает в ресторане, ты сказал...

– Да. В вечернюю смену, два раза в неделю... Она учится в университете на социолога и подрабатывает официанткой.

– Прямо как ты! Учишься на юриста и подрабатываешь у меня, – усмехнулся детектив. – И понравилась она тебе тем, что немеркантильна...

– Нет, не только! Мы с ней разговаривали, хоть и недолго, – она ведь на работе! Я сразу почувствовал в ней класс! Вы понимаете, что это такое?

– А ты?

Игорь смутился.

– Не особенно... это такая вещь... Словами не объяснишь. Это просто чувствуется.

– Угу, – мудро ответил Кис.

– Она умная девчонка. Умная, интеллигентная и при этом раскованная... Для меня это важно, Алексей Андреевич.

Детектив задумался. Игорь сказал этим куда больше, чем хотел. Так всегда бывает: большинство людей совершенно не догадываются, как много о них рассказывает выбор слова!

«*Интеллигентная*». Понятно, Игорь вырос в семье ученого, откуда и такой критерий, важный для него. Наши ученые всегда были интеллигенцией, а не интеллектуалами, как называют прослойку работающих мозгами людей на Западе. Наши физики-лирики – люди с большой гуманитарной культурой, хранители высоких идей и идеалов, и «интеллигентность» – слово куда более комплексное, чем «интеллектуальность». Оно включает в себя, помимо мозгов, еще и душу.

«*Раскованная*». Важность этой характеристики для Игоря представлялась детективу на стыке двух слов: «интеллигентная и при этом раскованная»... ПРИ ЭТОМ!

То есть интеллигентность препятствует раскованности... Да, конечно! Даже анекдоты и расхожие штампы это подтверждают: интеллигенты – слишком мягкие и неуверенные в себе люди. Культура мысли и души предполагает умение слышать чужой голос, считаться с другим мировоззрением, с желаниями другой личности, с ее волеизъявлением. Ни в коем случае ее не ущемить! Это ведь личность, – а все люди личности, с точки зрения интеллигента, – и ее надо уважать! И даже если уважаемые им «личности» в ответ по ногам ходят, то интеллигент терпит, прощает, жалеет, стесняется сказать «нет». «Раскованности» ему не хватает.

Пример отца?

Без сомнения. Иначе бы Виталий Федорович вряд ли стал жертвой хищной студентки... Что превратилось в семейную драму, отметившую сознание Игоря зарубкой, до сих пор источавшей если не кровь, то сукровицу...

Хорошо, с критериями, по которым Игорь оценивал девушку, вроде бы разобрались. А вот история с походом в «Макдоналдс» оставила у Алексея сомнения. Конечно, есть шанс на то, что девушка никогда там не была... Мало ли! Да вот только если она, как подавляющее большинство москвичей, туда заглядывала хоть однажды, в отличие от Игоря, оберегаемого

няней и отцом от «вредной пищи», – то она в таком случае перед Игорем разыграла маленький спектакль под названием *«Сообщила»!*

Но тогда вставал вопрос: зачем?

Детектив не нащупывал пока на него ответа, но сама мысль о спектакле наводила на мысль о том, что девица эта, Кристина, манипулирует Игорем с какой-то целью!

Делиться подобными подозрениями с влюбленным юношей бессмысленно. Ну, ничего, попробуем для начала разузнать побольше о девице. А то пока в арсенале у сыщика было не слишком внятное объяснение Игоря да выражения его лица. Счастливое, когда он думал о своей Кристине, и мрачное, когда вспоминал развод родителей.

– У вас завязались отношения, – произнес детектив, чтобы вернуться к теме, – взаимные, да?

– Да!.. Во всяком случае, так я думал. Но недавно... Помните, Алексей Андреевич, у нас с вами был разговор... Я сказал вам, что мелкие дела вроде слежки за неверными женами и мужьями мне не нравятся? Что они примитивны и даже в некотором смысле унижительны для всех сторон, включая нас, когда мы занимаемся их расследованием... Помните?

Кис кивнул, он помнил. Он тогда еще ответил ассистенту, что именно такие дела обеспечивают хоть и не самый высокий, зато постоянный и надежный заработок.

– Так вот, недавно я сам унизился до слежки... – Игорь порозовел. – Кристина вдруг пропала. Сначала я беспокоился, не случилось ли чего... Она не звонила. И на мои звонки не отвечала.

– По мобильному? По домашнему?

– У нее только трубка, домашнего нет, – она снимает квартиру и не хочет платить лишние деньги за абонемент...

– А домой к ней ты не пытался съездить?

– Я не знаю ее адреса. Кристина дала мне понять, что стесняется своей бедной квартиры на шоссе Энтузиастов... Она мне не позволяла ее провожать.

– И ты согласился?

– Я сумел настоять на том, чтобы она уезжала после наших встреч домой на такси, которое я оплачивал. Но проводить ее мне так и не удалось: Кристина сказала, что ехать с ней, а потом возвращаться к себе на такси (метро к тому времени уже закрывалось) мне выйдет очень дорого... Что было делать? Я согласился – сам попал в ловушку: она ведь считала, что я бедный студент... В общем, через два дня ее молчания я решил, что она меня бросила. Нашла кого-то побогаче и теперь прячется от меня, чтобы избежать объяснений...

– Вариации на тему отношений твоих родителей? Игорь, ты так рискуешь всю жизнь подозревать всех женщин!

– Я знаю, – перебил его Игорь несколько резко. – Я сам об этом думал. Но все же я решил найти ее и убедиться... По правде говоря, хотелось убедиться, что я не прав. Ну, неважно. Я поехал к ней на работу. В ресторан то есть. С тех пор как мы начали встречаться, я перестал там ужинать. Там и хозяйка стала на нас коситься, потому что Крис слишком долго задерживалась возле моего столика... И ее коллеги, девчонки, быстро заметили наши отношения и Кристине проходу не давали. Когда я первый раз заехал за ней, они высыпали на улицу, все до единой: «Какой пупсик!», «Какой зайка!» Это я пупсик и зайка, представляете?! В общем, больше я туда не ходил. Но когда Кристина исчезла, я поехал к ней на работу... Оказалось, что она и там не появилась в свой рабочий день!

– Понимаю, – кивнул Кис. – А почему мысль о том, что с ней что-то случилось, у тебя не задержалась? До такой степени ревность придушила?

– Не совсем. Дело в том, что я оставлял ей сообщения на автоответчике. И несколько раз в день. А ее «ящик» не переполнился. Знаете, когда слишком много сообщений, то автоответчик сразу выключается, не давая возможность записать новое сообщение...

– Знаю.

– Поэтому я понял, что она их прослушивает. И слышала, как я умолял ее позвонить мне, сказать, что с ней все в порядке... хотя бы это! Но она мне так и не позвонила. Я окончательно уверился в том, что у нее новый поклонник, богатый... И больше ей подрабатывать не нужно... Я разозлился. И на следующий день снова приехал в ресторан, только на этот раз пошел к хозяйке. И все рассказал как есть. Вернее, не как есть, – о ревности я не сказал, конечно. Объяснил, что волнуюсь... Она мне посочувствовала и дала адрес Кристины.

– Не на шоссе Энтузиастов, надо полагать?

– Нет... Откуда вы знаете?

– Сначала скажи где.

– За городом. Вы не поверите: на Рублевке, ни больше ни меньше!

– Эврика. Именно поэтому она в «Макдоналдсе» *сообразила* про самообслуживание!

– Я не врубаюсь...

– Она там никогда не была. И ровно по тем же причинам, что и ты: она из богатой семьи. Тебе не пришло в голову, что она играет в ту же игру?

– В тот момент нет, Алексей Андреевич... Я видел на ней иногда неожиданно дорогие вещички, белье например...

Ага, подумал Кис, значит, тем утром в квартире на Смоленке была именно Кристина! Коль скоро Игорь удостоился лицезреть ее белье, и с учетом факта, что к себе она его решительно не приглашала!

– И, честно говоря, я иногда ревновал... – продолжал Игорь. – Вдруг у нее еще кто-то есть? Или был до меня? Кто ей оплатил это дорогое белье? Но все же я себя убеждал, что для девушки это важно – красивое белье и одежда, и что она сэкономила, чтобы его купить. Я и сам с трудом удерживался, так мне хотелось сделать ей дорогой подарок, закупить красивых вещей... У меня были девушки до Кристины, но никто у меня не вызывал столько нежности, желания опекать, оберегать, охранять... Я думал, что это верный признак любви...

– Верный, – высказался Кис.

– Но все же хотел убедиться, что это чудо может длиться. Что оно не мимолетно. А Кристина, она тоже заботилась обо мне как могла. Все порывалась мне часы подарить поприличнее!

Он усмехнулся, крутанув на запястье дешевый браслет.

– Собственно, именно об этих вещичках я и вспомнил, когда решил, что она ушла к богатому поклоннику. Ревность меня совсем забодала, каюсь... Вот я и пустился ее разыскивать. А в результате наткнулся на частный дом в одном из поселков в районе Рублевского шоссе! Ворота, домофон... Меня впустили во двор, и на крыльцо вышла невысокая женщина лет тридцати с небольшим на вид. Но я сразу понял, что это мать Кристины. Если б ее немного вытянуть в длину да сузить, то это была бы Крис, только старше... Ее можно было бы принять за сестру, потому что на маму она не тянула, но я знал, что у Крис нет сестры...

И Игорь горестно умолк.

VIII

...Там активно строились новые русские – вот к ним мама и попала в компанию. Наверное, это было самой большой ее ошибкой.

...В новом кругу к нам относились прохладно. Моя мама получила, по их разумению, свое состояние *чудом*, а не тяжкими трудами, отчего она оказалась чужачкой среди этих богатых людей. Они-то друг друга понимали с полуслова; они говорили о взятках, крышах, рейдерах, оффшорах, – а маму, чьи деньги были случайными и чистыми, все эти разговоры совершенно не интересовали. Кроме того, она являлась не владельцем состояния, а *владелицей* – существом женского рода, затесавшимся в круг богатых мужчин. В девяностых бизнес-леди еще были редки, а бизнес-джентльмены имели нрав крутой и суровый, да и не очень-то джентльменский, прямо скажем.

В общем, мама была неделовой женщиной, к тому же недостаточно богатой по сравнению с людьми, состояние которых в то время уже переваливало за первые сотни миллионов. И говорить им с ней было решительно не о чем.

С женской частью этого нового для мамы круга тоже вышел облом. Поначалу дамы охотно взялись опекать вновь прибывшую, обучая ее всем фишкам и примочкам светской жизни. Но очень скоро мама выпала из задорного девичьего соревнования по количеству сумок, пар обуви, каратов в бриллиантах и прочих прелестных вещах. Она упорно не понимала, зачем нужно тридцать сумок и пятьдесят пар туфель и зачем тратить деньги на бриллианты, даже с малым числом каратов. Отчего наставницы вскоре потеряли интерес к своей подопечной, так и не просветленной передовыми идеями гламура.

Мама деньги тратила без всякого шика. На то, что нужно. Что разумно. Например, когда ее бывшая директриса школы пришла просить денег на ремонт школы (словно никогда не портила маме кровь!) – мама ей их дала, потому что это было нужное и разумное...

...Но все же одна хорошая подруга среди соседей у нее завелась. Большая такая женщина, ростом в две мамы, она обожала возиться в саду и часто ходила в резиновых ботах. То ли в силу роста, то ли характер такой (но мне всегда казалось, что именно из-за своего немислимого роста, Гулливер в стране Лилипутов!), Лена относилась ко всем с ироничной снисходительностью. Словно вокруг нее жили дети, а она, отмечая их слабости, тут же и прощала. При этом строила детишек, как хотела.

Как ни удивительно, Лена постепенно стала не только маминой подругой, но и моей, хотя она была даже старше мамы. У нее вполне могла бы оказаться дочка моего возраста, и тогда мы дружили бы четвером, но у Лены вместо дочки было два сына, восьми и десяти лет, и еще пожилая овчарка. Я любила и овчарку, и мальчишек, но Лену я любила больше всех.

Муж у нее был каким-то страшно богатым и влиятельным человеком, с которым мы пересекались редко, так как обычно хаживали к Лене в гости в дневное время. Но когда случалось услышать, как Лена говорила что-нибудь простое, например: «Надень тапки, Женя» или «Ты вымыл руки, Женя?» – то казалось, что огромным холдингом руководит не он, а она. В доме или саду, под яблоней или под кустом роз где-то у Лены обязательно должен был размещаться пульт дистанционного управления Женей и его делами, и среди кнопок на нем водилась и сокровенная красная, ядерная угроза, – потому что только так можно было объяснить беззаветное служение Жени своей жене.

Маму мою Лена искренне и немного жалостливо любила, все старалась ее накормить то пирогами, то вареньем («Сама варила, в прошлом году такой урожай вишен был, попробуй, Настена!»). Я уверена, что, с точки зрения Лены, все, кто не дорос до ее роста и стати, те просто

плохо питались, и она их жалела. Как и мужа своего, достававшего ей до подбородка. Понятно, что при таком добром, снисходительно-жалостливом отношении все неизбежно чувствовали себя детьми в ее присутствии, но как-то необходимо. Лена согревала любого и каждого своей щедрой душой и заботой.

Я любила с ней разговаривать. У Лены был какой-то особенный склад ума. Например, когда я отзывалась критически о своих одноклассниках или некоторых соседях, Лена всегда соглашалась, но как-то так, что критичность словно бы исчезала... Однажды, помню, я ей сказала, что мне не нравится, что соседи покупают машины будто наперегонки: у кого дороже.

– Ну конечно, – ответила мне Лена, раскатывая скалкой тесто для пирогов, – мальчикам с детства свойственно мериться письками. Они с тех пор так и не выросли, Кристинка.

– Лена, а почему я понимаю, что это смешно и глупо, хотя мне всего шестнадцать лет?

– А ты выросла, девочка. В этом вся разница.

– Но почему так? Почему я выросла, а они, взрослые дядьки, нет? Почему они, как в детском саду, меряются... машинами?

– Ты спрашиваешь, почему одни поют точно, а другие фальшиво?

– Ну, нет, потому что у одних слух есть, а другим не дан природой.

– Вот ты и ответила на свой вопрос, девочка.

Меня смущали и беспокоили эти разговоры. Из них выходило, что во всем виновата природа: кому-то недодала, а кого-то наградила! А как же тогда добро и зло? Если все объяснять природой, то никто ни в чем не виноват, и тогда любое преступление можно оправдать: гены, понимаете ли, подвели!

Такая концепция мира меня решительно не устраивала. Я не желала в это верить. Я хотела, чтобы мир был устроен по справедливости и чтобы в нем у меня хотя бы было право осуждать вора и убийцу, подлеца и труса! А не оправдывать его «отсутствием слуха»!

Как-то я отважилась подступиться к Лене с этими вопросами.

– Лена, ты говоришь...

Я к ней обращалась на «ты», она сама на этом настояла. «Не нужно устанавливать лишнюю дистанцию между детьми и взрослыми, детям и без того туго приходится!» – так сказала она, и мама моя ее поддержала.

– Ты говоришь, что они просто не выросли, – продолжила я. – А как же тогда быть с добром и злом?

В этот день Лена отбивала молоточком капусту – делала голубцы. Она никогда не останавливалась в своих кулинарных хлопотах, приходила ли я к ней одна или мы вместе с мамой. Не знаю, как она себя вела, когда они были наедине, две подружки, – но я видела Лену исключительно за стряпней. Кроме моментов чаепития, конечно.

А на этот раз она вдруг остановилась. Положила молоточек и села за стол на кухне, напротив меня.

– Ты в бога веришь, Криска?

– Нет.

– Ладно, давай тогда так тебе скажу: есть в мире силы добра и силы зла. Они борются за владычество. И стараются, каждый со своей стороны, завладеть как можно большим количеством душ. А каждая душа, в силу своего устройства, поддается той стороне или другой. Такие, как ты, как Настена, внемлют только добру. А такие, как... Да много их тут у нас. Вы со своей мамой сюда случайно залетели, в это гетто.

– Лен, почему ты так говоришь? – опешила я. – Ведь и ты, и твой муж, – вы...

– Мой муж, девочка, одно из самых страшных чудовищ на планете.

Лена поднялась и снова взяла в руки молоток. Капустные листья плющились под ее ударами. А я не находила слов.

– Лен, а как же... – проямлила я. – А почему же ты...

- Почему я с ним живу? Ты это хотела спросить?
- Я смутилась. Потому что именно это и хотела спросить.
- Ты не поверишь, Криска.
- Все же скажи!
- Я спасаю родину... – усмехнулась она.
- В каком смысле?.. – обалдела я.
- В прямом. Он мегаломан.

Больше она тогда ничего не добавила, а я помчалась домой, достала словарь и стала читать, что такое мегаломан. Оказалось, что это «человек, страдающий манией величия». Я была разочарована.

Я все-таки вернулась к Лене и осторожно спросила, надо ли понимать сказанное так, что ее муж видит себя Наполеоном или кем-то еще известным? И в чем тут опасность для... *родины?*

– Тебе попало неудачное определение, Криска. Мегаломан – это человек с непомерным желанием власти, исключительно самовлюбленный, который имеет склонность к грандиозным и масштабным проектам. Этой масштабностью он пытается себя валоризировать – или, проще говоря, придать себе ценность, – заткнуть в подсознании противный голос маленького и несчастного человека. При могуществе и амбициях, коими обладает мой муж, мегаломания способна привести к разрушениям, подобным третьей мировой войне.

– А ты?..

– А я стараюсь его убедить в том, что он может обойтись одной мегаженщиной.

Она засмеялась, но как-то грустно.

Я не очень поняла то, что объясняла мне Лена, но почувствовала в ее словах что-то такое, что вызвало у меня необыкновенное уважение и печаль. Я подошла к ней, прижалась. Лена погладила меня по голове своей большой рукой.

– Если бы ты знала, девочка, – совсем тихо проговорила она, – сколько дерьма я впитала в себя, как губка, чтобы не дать ему пойти по этому миру дальше...

Позже я поняла, почему Лена мне доверила столь невероятный секрет: ей было куда проще произнести те слова девочке-подростку, несмышленицу, чем признаться в наболевшем и сокровенном даже такой близкой подруге, как Настенка, то есть моей маме...

...Я снова ударилась о металлические стенки своего гроба и полуочнулась от обморочной дремы. С некоторым трудом вспомнила, что я уже выросла, мне уже двадцать два. В сновидениях я ощущала себя ребенком – в каждом эпизоде воспоминаний о том возрасте, который мне снился. Наверное, правду говорят, что перед смертью вся жизнь проходит перед глазами, и мне снились не только события, но и все мои чувства, эмоции – я их переживала заново так живо, словно на самом деле...

Казалось, моя память уместила в подарочную коробку все эти эпизоды, яркие, как детские кубики, чтобы я могла на прощанье их перебирать, рассматривать, любоваться, а поверх приложила опись содержимого, итоговый баланс моей короткой биографии. И крышка уже была наизготове, и яркая подарочная лента тоже. Еще немного, и коробка отправится на дальнюю полку воспоминаний...

Только уже не моих, а обо мне.

Тело мое остывало, руки стали словно металлическими, ног я уже не чувствовала. Мне казалось, что рядом со мной неслышно улеглась моя Смерть. Она не была похожа на костлявый скелет, как ее обычно изображают. Ни на человека вообще. Она ощущалась как узкая, длинная и запредельно холодная полоска материи непонятного происхождения, напоминающая мягкую резину. Почему-то я чувствовала ее справа от себя – она холодила мой правый

бок, – но потихоньку она разрасталась, растягивалась, покрывала меня своим ледяным одеялом все больше и больше. И я во сне знала, что когда она достигнет сердца – левой стороны моего тела, тогда я умру. Но я не могла ее сбросить с себя. Она была бесплотной и при этом обладала нечеловеческой силой...

Игорь! Спаси меня, Игорь!!!

IX

...Да, без сомнения, перед ним стояла мать Кристины. Те же золотисто-рыжие волосы, та же почти прозрачная белая кожа с легкой россыпью веснушек и глаза, которые сегодня были небесно-синими.

Да, именно так, *сегодня!* Он знал эту особенность глаз Кристины: они меняют цвет в зависимости от освещения, от одежды и могли казаться зелеными во всей гамме оттенков, вплоть до хаки, до цвета спелого лесного ореха, и серыми, от стального до глубокого бархата, и голубыми, от наивной незабудки до пронзительной синевы сентябрьского неба.

Мама Кристины была в джинсах и в тонком васильковом свитере-тунике, отчего ее глаза сегодня походили на сентябрьское небо.

– Я ищу Кристину, – произнес Игорь немного смущенно. – Она ведь здесь проживает?

Женщина смотрела с изумлением, словно он прямо перед ней спустился с неба на летающей тарелке.

Пауза затягивалась, и, видимо, осознав это, женщина вдруг залилась розовым румянцем. Точно как Кристина, которая по всякому пустяку то розовела, то бледнела.

Тем не менее она продолжала смотреть на Игоря широко распахнутыми глазами, не произнося ни слова. Казалось, она потеряла дар речи.

Только значительно позже Игорь понял этот внезапный ее ступор, а тогда он не придал ему значения. Точнее, просто не задумался о его причинах: ему не терпелось узнать, где Кристина.

– Простите, а вы... Вы ее мама?

Женщина кивнула.

– Так могу я поговорить с Кристиной?

– Дочка уехала... – ответила ее мать наконец. – Она вернется... через пару недель...

Игорь не знал, верить или нет. Кристина сбежала? Не позвонила, ни слова не сказала – уехала?!

Ревность снова больно прихватила его.

– Куда? Куда она уехала?!

И, видя, как мнется ее мать, он добавил язвительно и пылко:

– Или это секрет?!

– Секрет, – кивнула женщина с несчастным видом. – Она просила меня... никому не говорить...

Игорь переступил с ноги на ногу. У него было огромное желание оттолкнуть женщину, ворваться в дом и обшарить там все закоулки. Кристина прячется от него, это ясно! И почему бы не в этом доме? Зачем ей еще куда-то ехать?

Но сделать этого он, конечно, не мог.

А что он *мог* сделать?

Ничего.

Только уйти с достоинством. Не унижаться.

Он потрогал свой пиджак. Там, во внутреннем кармане, лежало письмо. Словно предчувствуя, что поиски Кристины не увенчаются успехом, он написал его за несколько отчаянных ночей, где говорил ей о любви, упрекал ее в малодушии и тут же прощал, умолял объясниться...

Игорь решил его не отдавать.

Он попрощался и направился к воротам. Зажужжал зуммер электронного замка: мать Кристины отворяла ему калитку. Игорю очень хотелось обернуться: казалось, что ему в спину

смотрит не только ее мать, но что из-за занавески первого этажа его спину прожигал еще один взгляд...

Кристины?!

Уже взявшись за ручку калитки, он все-таки не удержался, обернулся. Мать и в самом деле стояла на крыльце и смотрела на него. А занавеска висела ровно и неподвижно.

И все же Игорю чудилось, что за ней кто-то стоит. Он знал от Крис, что отец бросил их, отчима тоже нет, – следовательно, мама ее живет одна. Кому же быть еще в доме, как не Кристине?!

Он торопливо вернулся, косясь на занавеску. Там, за кружевом, виднелись очертания фигуры. Или ему это только показалось?

Нужно было как-то оправдать свое возвращение – вот он и достал прямоугольный белый конверт из внутреннего кармана пиджака.

И потом, раз уж он потратил на это письмо столько сил и слов... Пусть оно дойдет по назначению!

– Отдайте это Кристине, ладно? – тихо сказал он.

«Когда умирает близкий человек, – писал он, – то похороны – это последнее утешение, которое остается у живых. Ты, наверное, не знаешь, Крис, но самое страшное – без вести пропавшие, потому что ты их ждешь всю жизнь, всю жизнь они не отпускают тебя.

Отпусти меня, Крис, позволь мне похоронить эту любовь. Скажи мне просто, что все кончено. И я перестану тебя ждать».

Все это Игорь рассказал шефу коротко и скупно – неуклюжими словами, потому что «уклюжие» ему отчего-то не давались, не умел он откровенничать, не умел!

Но Алексей понял. Это он рассказывал Игорю о тех душевных муках, которые испытывают родственники пропавших без вести людей. Нахождение тела, пусть даже мертвого, – уже спасение в некоторой степени от страданий, а возможность его похоронить – как отпущение души на свободу с миром.

«Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется», – вспомнил он строчку из стихов. Какая непостижимая ответственность – наши слова. Они срываются с наших губ и идут по земле, незримо что-то меняя на своем пути... Когда-то, в самом начале их отношений с Александрой, он не понимал, отчего она так мучается в поисках точного, наиточнейшего слова. Только со временем до него стал доходить смысл фразы Альбера Камю, которую Саша любила повторять: *Mal nommer les choses, c'est ajouter au malheur du monde*.

Александра перевела ему эту строчку без затей, дословно: неточно называть вещи... в смысле, неточно формулировать их суть... – значит добавлять беды миру.

Но Кис понял, о чем речь, и в уточнениях перевода не нуждался.

И сейчас, когда Игорь рассказал ему о содержании своего письма Кристине, Алексей снова убедился в справедливости афоризма. Мысль, которую он высказал Игорю, теперь жила в его сознании. Значит, детективу удалось ее «точно назвать».

– Алексей Андреевич, как вы думаете, это не очень мелодраматично звучит – то, что я написал?

Кис поднял брови, взял со стола бокал и посмотрел через него на окно, за которым буйствовало яркое солнце позднего апреля. Вино засияло глубоким драгоценным цветом.

– Я не знаю, Игорь, – проговорил он неспешно, – кто придумал называть чувства «сентиментами». Я не знаю, кто решил называть душевную боль «мелодрамой». Наверное, это были не очень умные люди. Потому что такими словами они уценили, как на барахолке, то, из чего состоит душа. В том числе их собственная. По моему разумению, мелодрама – это плохой фильм, который расчетливо спекулирует на чувствах зрителя. Ты же написал честно. С моей

точки зрения, тебе не стоит заботиться о том, как к этому могут отнестись другие. Даже Кристина.

А про себя детектив подумал, что девушка, которая сочтет письмо Игоря «мелодраматическим», – уж пусть лучше такая девушка сбежит от него, причем безвозвратно. Не то поженьтся невзначай, и будет парень всю жизнь мучиться с уцененной душой по соседству.

– И как, она тебе ответила на письмо?

– Нет.

Ох, черт, ну, конечно, нет! Дурацкий вопрос. Игорь ведь избит! Алексей слишком увлекся романтической стороной повествования. Тогда как в действительности все явно и намного сложнее!

– Ее мать позвонила мне на следующий день. И призналась, что прочитала письмо... Она попросила меня приехать, но не к ней домой, а в спортивный клуб, который она посещает регулярно... Там оказался большой холл, знаете, как в гостиницах, со столиками и креслами, с баром, и мы уселись в самый уголок...

– Тебя это не насторожило?

– Алексей Андреевич, – мотнул головой Игорь, – а разве вас бы насторожило в тот момент? Это вы сейчас, зная, что меня избили, усматриваете в ее поведении конспирацию, так ведь? Но тогда я ничего не подозревал! Меня приглашение на разговор заинтриговало, мне не терпелось узнать суть, и я просто мельком подумал, что ей так удобнее.

– Ты прав. Продолжай.

– А на встречу Анастасия Марковна – так зовут маму Кристины – пришла с большой спортивной сумкой, из чего я заключил, что она в этом клубе занимается фитнесом. Чем выбор места для встречи был полностью оправдан.

– Согласен.

– И она сказала мне...

...Анастасия Марковна сказала с какой-то непонятной грустью, что до сих пор ничего не знала о существовании Игоря. Но, увидев, как потемнели яркие глаза молодого человека, поспешно пояснила: дочь живет отдельно, у нее квартира в Москве, и они не часто с ней видятся. Хотя отношения у них очень хорошие и нежные, но вот так вышло – она уже взрослая девушка, у нее своя жизнь. И свой счет в банке.

Игорю захотелось немедленно узнать о квартире в Москве – ясно, что не на шоссе Энтузиастов живет девушка, у которой есть свой счет в банке! Но он боялся перебить Анастасию Марковну. Ведь не для того она позвала Игоря, чтобы сообщить, что ничего о нем не знала! Нет, она должна сказать что-то важное!

– Я понимаю, – ответил он с легким кивком, – примерно такие же отношения у меня с папой.

Похоже, что на языке у Анастасии Марковны сразу же закрутился вопрос насчет отношений Игоря с его мамой, но ее тоже удержала мысль, что не для того она встретила с Игорем.

– Простите, Игорь, что я вскрыла ваше письмо. Но вы произвели на меня такое хорошее впечатление... Мне захотелось узнать побольше о ваших отношениях с Криской. Признаться, не ожидала, что ваше письмо такое... Такое личное. Простите еще раз великодушно материнское любопытство. Но, может, это к лучшему, потому что оно меня тронуло... И я обрадовалась, что у моей дочери есть такой бойф... Такой друг.

Ее глаза увлажнились. «Такая чувствительная женщина?» – удивился Игорь. Или Крис была раньше настолько несчастлива, если ее мама едва не плачет при мысли, что наконец-то у дочери появился нормальный парень, который ее любит?

А в том, что Игорь ее любит, после прочитанного ею письма усомниться никак невозможно.

– Я что-то не о том говорю, извините меня. Просто я подумала, что будет неправильно, если вы поссоритесь... Вы в письме предполагаете, что она вас разлюбила, но это совсем не так, уверяю вас! – Она легонько провела пальцами по глазам. – У меня тушь... Аллергия на тушь. Извините.

Она слишком часто извинялась, мама Кристины. Конечно, это могло быть проявлением ее характера, сентиментального, но Игорю показалось, что это потому, что она говорит неправду. И тушь тут ни при чем, это были самые настоящие слезы! Вот почему следующую фразу он воспринял с некоторым недоверием.

– Я скажу вам, что случилось. Кристина срочно уехала в Англию... – проговорила Анастасия Марковна, покончив с ресницами. – У нее там тяжело заболела подруга, и Кристина сильно переживает... Она поехала, чтобы поддержать подругу морально, понимаете? Поэтому она просила никому ничего не говорить, чтобы ее не беспокоили звонками...

Она помолчала и добавила:

– Ведь поддерживать кого-то морально – это требует многих сил, вы согласны?

Игорь кивнул. Он никогда никого не поддерживал морально в тяжелой болезни, не довелось, но вполне мог себе это представить.

Только он Анастасии Марковне не верил. Что-то витало в воздухе неправдивое. Над этим следовало подумать, но не сейчас, потом. Пока же он решил не припираться маму Кристины к стенке – все равно правды не скажет...

Он сделал вид, что принял рассказ о Лондоне за чистую монету. И дальше разговор потек в русле вполне доверительного обмена информацией. К примеру, Игорь без труда получил московский адрес Кристины, в очень милом местечке в центре. Взамен последовал вопрос:

– А она... Дочь вам не дала свой адрес? При таких... э-э... близких отношениях, как у вас?

– Нет.

– Но почему?!

– Я могу только гадать, – ответил Игорь. – Но, похоже, она не хотела выходить из роли официантки...

– Официантки???

– Ну да.

– Я не понимаю... Вы хотите сказать, что моя дочь работает официанткой!

– Ну да. Вы не в курсе?

– Зачем ей? У нее есть все, она ни в чем не нуждается!

– Признаться, я не знал, что она... Что вы... В общем, что Крис располагает средствами... Мне она только сказала, что собирается исследовать менталитет человека при его переходе от скромного существования к большим деньгам... Что это станет темой ее диссертации и книги, для которой она уже собрала довольно большой материал наблюдений... Это хоть правда, что она собирается диссертацию и книгу писать?

– Правда! Мне она тоже говорила. Но что она пошла работать... в ресторан... официанткой! Это ведь какая трудная работа: весь вечер на ногах!!! Игорь, я не понимаю, зачем ей?!

И вот тогда Игорь рассказал Анастасии Марковне, как он сам скрывал свое социальное положение, свои финансовые возможности...

– Надо же, точно как Криска! – растрогалась Анастасия Марковна. – Она давно мне заявила, что, наглядевшись на мой опыт... Знаете, я ведь выиграла деньги в лото... Ну, неважно. Она решила, что никто не должен догадываться, что она богатая невеста! Просто поразительно, Игорь, как вы и она пришли независимо друг от друга к одному и тому же решению!

– Кристина поэтому выбрала такую тему для своей диссертации и книги?

– Разумеется. Игорь, послушайте меня. Я скажу самую большую на свете банальность: у вас родственные души. Вы созданы друг для друга!

– Я тоже так думал...

– Нет, не говорите в прошедшем времени, прошу вас! Верьте моей девочке, Игорь! Она... Она любит вас, я уверена!

– Отчего же, – иронично спросил Игорь, – она даже не рассказала вам, матери, о моем существовании? Как вы можете быть уверены?

– А так! Это моя дочь. И я ее знаю. Просто оставайтесь с ней, Игорь... Что бы ни случилось!

Игоря больно полоснула ее последняя фраза. «Что бы ни случилось». А что же случилось? О чем недоговаривает Анастасия Марковна?!

Но спрашивать не имело смысла: не скажет.

Они вскоре расстались – с заверениями Крискиной мамы, что она непременно передаст дочери насчет Игоря и, при ближайшей же возможности, – его письмо. И что дочь будет, конечно же, неизменно ему рада...

Игорь простился с Анастасией Марковной со смешанными чувствами. Что-то было правдой, а что-то явной ложью. Но что и в каком месте их разговора?!

Насчет Лондона, конечно.

Не могла Кристина ему об этом не сказать! Не тем она была человеком, и отношения у них сложились не те! Они созванивались и встречались регулярно, и всегда предупреждали друг друга, если накладке, если встреча отменяется. Не могла она не предупредить Игоря о поездке к больной подруге!

Однако зачем было Анастасии Марковне специально встречаться с Игорем, если это неправда? Тем более что Игорь чувствовал, что она действительно очень тепло отнеслась к нему.

Выходило, что подозрения Игоря были справедливыми – Крис завела себе другого.

Но тогда зачем матери было уверять Игоря, что Крис будет рада его весточке? Если она знает, что Крис ушла к другому?

Можно, конечно, предположить такое: Анастасии Марковне тот, другой, не нравится, а Игорь понравился. И у нее появилась надежда, что дочь одумается и вернется к Игорю. Поэтому она ее покрывает и сочинила про Англию.

Но она ничего не знала до сих пор об Игоре, и с какой стати Крис рассказала бы маме о другом мужчине?

В таком случае отъезд в Англию и больная подруга – правда?

Ничего не понятно.

Только Игорь в это не поверил. Вот и все.

К тому же кто-то был в доме на Рублевке, за занавеской.

Кто?

Кристина?

– ...А потом, Алексей Андреевич, сразу после этой встречи в спорткомплексе я съездил на квартиру Кристины, по тому адресу, что мне дала ее мама. И понял, что она там не была уже несколько дней.

– Каким образом?

– В ее почтовом ящике скопилось всякая всячина – она уже вылезала из щели... Я его вскрыл.

– Последнюю дату заметил?

– Конечно. Ее нет дома уже пять дней!

– Молодец. Что ты предпринял дальше?

– Я решил следить за Анастасией Марковной. Если она знает, где обитает ее дочь, то она с ней должна непременно встретиться! Хотя бы для того, чтобы передать ей мое письмо! Если, конечно, Кристина не уехала и в самом деле в Англию – с любовником...

– Она могла прочитать его дочери по телефону, Игорь.

– Нет, Алексей Андреевич, нет! *Такие* письма по телефону не читают! И Анастасия Марковна не стала бы, я уверен! Или я ничего не понимаю в людях!

Очень возможно, что Игорь в силу своего юного возраста как раз ничего и не понимает в людях...

Но Кис спорить не стал.

Х

...Я добила своего: мама не вышла замуж ни за кого из этих жуков! Она благодаря мне научилась со временем видеть их насквозь!

Позже, став взрослой, я много раз спрашивала себя, правильно ли я сделала, так воинственно разогнав маминых ухажеров? Может, мной руководил подростковый максимализм? Может, если бы мама вышла замуж за одного из этих прохиндеев, она бы стала счастлива? Он, на поводке ее денег, играл бы роль любящего мужа...

Нет! Подобная мысль меня оскорбляла. Мама все равно через какое-то время поняла бы, что ее обманывают! И осталась бы с мерзким осадком на душе да изрядно истощившимся счетом...

Я правильно сделала, что от расчетливых женихов маму уберегла!

От брака уберегла, но...

Как-то невзначай я услышала мамин разговор с подругой, той самой, из Германии. К слову, после выигрыша в лото мама ей подарила деньги на квартиру, которую подруга мечтала купить, – миллион марок почти. Вот такая у меня мама!

Да, так они по телефону разговаривали.

– ...Что во мне такого, что мужчины меня не любят? – говорила мама. – Я же не дурнушка, и характер у меня хороший... Или я чего-то не понимаю? Что во мне отталкивает мужчин?

Не знаю, что ответила ей подруга, но когда мама положила трубку, я не выдержала.

– Мам, ты самая лучшая из женщин! Это не в тебе проблема, а в них, в мужчинах!

– Криска, что ты понимаешь в мужчинах? – усмехнулась она.

– А что, я уже большая! Мне шестнадцать, между прочим! Да и что в них понимать, в мужчинах? Ты только посмотри на них: они хотят пожить повсюду, где получится, потому что мы живем в такое время, когда всем страшно хочется разбогатеть, а удастся только единицам! Да и то какой ценой, мам? Ты же знаешь, вокруг сплошной криминал. Как же за таких замуж выходить? Таким и руки не подашь, верно?

– Верно-то верно, Криска... А ты и вправду уже большая, надо же! Была дите дитем, и вдруг нате вам, выросла! Я и не заметила когда... Даже не верится, что я говорю с собственным ребенком о мужчинах! И ребенок этот к тому же учит меня жизни, с ума сойти!

Мама засмеялась. Я обожаю ее смех, тихий и мелодичный. Иногда я нарочно ее смешила, только бы послушать, как она смеется!

– А что такого-то? Разве я что-нибудь неправильно сказала? – надулась я. Не по-настоящему, так, для вида.

– Правильно, Криска. Но только где других взять?

«Не надо было на Рублевку переселяться!» – хотела проворчать я, но удержалась. Мама любила наш дом как ненормальная. Будто он был ее младшим ребенком или братиком, которого зовут Дом.

И потом, я вдруг подумала, что те, которые раньше не женились из-за нашей бедности, и те, которые теперь хотят жениться из-за богатства, – это все одни и те же люди.

– Нигде, – буркнула я. – Знаешь, уж лучше завести себе альфонса, который будет честно спать с тобой за деньги, чем человека, который станет тебе врать о любви ради денег...

Мама тогда возмутилась и отругала меня за «циничные слова».

Но вскоре она сделала именно то, что я ей советовала: завела себе молодого любовника. Он не пел ей в уши никаких возвышенных слов, он просто отрабатывал свое содержание. Он

делил с мамой постель и сопровождал ее в свет. И, что самое неожиданное, он к ней действительно очень тепло относился.

Особенно мне понравилось, что он не заглядывался на меня, хотя по возрасту куда больше подходил в «женихи» мне, уже семнадцатилетней девице, чем моей тридцатипятилетней маме. Но он себя вел очень корректно. Как отличный служащий, преданный своему работодателю.

Здесь все было честно. Никто никому не врал. Никто не пытался выдать расчет за любовь. Наверное, поэтому они потихоньку стали дружить. За дружеские чувства Вите – так его звали – никто не платил, за них он ничего больше не мог поиметь сверх того, что имел, – и потому им можно было верить.

Мне кажется, что это были самые счастливые мамины годы. Она расцвела, стала очень красивой, какой и должна быть счастливая женщина.

Как ни странно, но «в свете» маму не только никто не осудил, но, напротив, к ней начали относиться теплее, словно приняли в свой клан. Оказывается, молодые любовники вошли тогда в моду, стали чуть ли не знаком успешности женщины! Правда, их заводили дамы постарше, но все равно мама «попала в обойму». Вот цирк.

Четыре года спустя Витя попросил его отпустить. Сказал, что влюбился... Все обошлось без сцен. Мама отпустила его легко и весело и вскоре завела себе нового любовника, а с Витей они остались друзьями, до сих пор перезваниваются!

Разумеется, мне не хотелось бы оказаться на месте мамы. Несмотря ни на что, я верила в любовь. Я говорила себе, что не все свихнулись на деньгах и что любовь – это свойство человеческой природы... Если она, природа, конечно, не испорчена.

Поэтому я тогда твердо решила: свою любовь стану искать в другом месте, в другой среде. И главное, ни один из моих поклонников не узнает о том, что я богата, пока я не буду уверена в его чувствах!

...Мое сознание, свободно парящее во сне, снова зацепилось крылом за реальность. Морг. Тьма. Холод.

Уместившаяся рядом со мной смерть липла к моему телу, дотянувшись уже примерно до середины. Еще немножко, и она покроет своим резиновым одеялом мое сердце. И тогда все, конец.

Я попыталась напрячь одурманенный мозг. Я не хочу умирать!!! Нужно найти какой-то выход, какое-то решение! Стучать в стенки? Но тут или никого нет, или если есть, то именно тот тип, который меня поместил в камеру холодильника! Если бы уже наступило утро, если бы тут появились другие работники (а какие вообще в морге бывают работники?), то они бы уже услышали стук от моих произвольных движений во сне. И уже бы открыли ящик, уже бы ахнули, уже бы меня спасли!

Значит, ночь еще не закончилась... Но я должна, просто обязана дожить до утра! Сюда придет какая-нибудь уборщица, какой-нибудь санитар... И услышит, как я стучу!

Главное – дожить! А для этого нужно согреться!

Но как? Снотворное все еще владело моим мозгом, неохотно выпуская его из плена по миллиметру, но холод загонял просыпающееся сознание обратно, в коматозный сон. Я чувствовала: если снова погружусь в него, то уже никогда не проснусь!

Атомы, вселенные, живущие во мне, дайте мне энергию ваших солнц! Подарите мне их тепло, согрейте меня!

Аууу! Вы меня слышите?

Нет. Они не могут меня слышать, потому что я с ними в столь разных измерениях, что голос мой до них не доносится. По отношению к ним я что-то вроде космического разума,

чье существование или не-существование пытаются доказать микроскопические ученые микроскопических планет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.